

© 1991 г.

ЛУБОЦКИЙ А.

ВЕДИЙСКАЯ ИМЕННАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ТОНОВ*

Памяти моей матери

0. Введение.

0.1. В языках, сохранивших древнюю индоевропейскую акцентуацию (санскрит, греческий, германские, балто-славянские)¹, ударение в имени в общем случае не может быть предсказано на основании морфологических или семантических свойств суффикса или значения корня. Эту ситуацию предлагалось описывать в рамках трех теорий.

«Семантический» подход исходит из предположения о том, что если ударение в слове падало на корень, то это было имя действия среднего рода, а если на суффикс — имя деятеля мужского или женского рода [2]. Такое распределение действительно засвидетельствовано для небольшого числа суффиксов (ср. скр. *bráhmaṇ-* ср. р. «молитва» vs. *brahmān-* муж. р. «жрец»; *yáśas* ср. р. «слава» vs. *yáśās-* прил. «славный»); однако для суф. *-man-* обнаруживается ряд исключений (имена мужского рода *áśman-* «камень, скала», *óman-* «защитник», *bhásman-* «пожирающий»), а окситонированные прилагательные на *-as* имеют вторичный характер. Поскольку другие суффиксы (о суф. *-o-* см. 2.1) не обнаруживают такого распределения, сторонники этой теории были вынуждены предположить многочисленные вторичные преобразования, изменения в роде и акцентуации и т. д.

Второй, «морфологический» подход восходит к Г. Остгофу и Г. Хирту и в настоящее время является в целом общепринятым. Хорошо известно, что основы на согласные следовали различным словоизменительным типам, характеризовавшимся изменением места ударения и чередованием по аблауту внутри парадигмы: полная ступень чередования была ударной, нулевая — безударной. Позднее, когда система чередований перестала функционировать, одна из ступеней аблаута и один из типов акцентуации были обобщены в отдельных языках. Можно было бы ожидать, что обобщенный тип акцентуации будет соответствовать обобщенной ступени чередования, но эта корреляция слишком часто нарушается. Например, для санскритского слова *gāti-* «движение» с протеродинамической флексией (им. пад. ед. ч. **g^wēm- ti-s*, вин. пад. ед. ч. **g^wēm-ti-m*, род пад. ед. ч. **g^mm- téi-s*) приходится предположить, что санскрит обобщил ступень чередования косвенных (слабых) падежей и ударение сильных падежей. Наоборот, скр. *tan̥tí-* «веревка», вероятно, обобщило ступень чередования сильных падежей и акцентуацию косвенных падежей

* Данная статья представляет собой резюме книги [1], к которой я отсылаю читателей, желающих ознакомиться с излагаемой концепцией более детально.

¹ Следы праиндоевропейского ударения были обнаружены и в других языках, но эти данные не представляют самостоятельной ценности и часто носят слишком неясный и случайный характер, что не позволяет использовать их при реконструкции праи.-е. ударения.

Главный недостаток обеих теорий заключается в своего рода агностицизме по отношению к засвидетельствованному распределению ударения: постулируется праиндоевропейская система чередований по месту ударения и предполагается, что на некоторой стадии развития праязыка эта система перестала функционировать, что привело к смешению различных акцентных типов. Ни одна из теорий не способна объяснить, почему, например, то или иное слово является баритонированным или окситонированным.

Единственный подход, претендующий на объяснение акцентуации каждого слова, — это «тональная» теория. Эта концепция была впервые выдвинута выдающимся советским ученым В. А. Дыбо, который предложил объяснять акцентуацию слова на основании просодических свойств составляющих его морфем. В серии работ [3—5] Дыбо показал, что в балто-славянском все морфемы могут быть разбиты на два просодических класса: I — класс «сильных» морфем, т. е. морфем, которые притягивают ударение, и II — класс «слабых» морфем, которые отталкивают ударение. Распределение морфем по этим двум классам является, по Дыбо, «традиционным» (немотивированным) и должно считаться изначально заданным. Затем Дыбо сформулировал следующее простое правило, описывающее акцентуацию балто-славянских словоформ:

Всякая словоформа имеет ударение на первой морфеме класса I; если словоформа не содержит морфем класса I, ударение падает на начальную морфему.

Словоформы последнего типа, содержавшие только слабые морфемы, были безударными в большинстве контекстов и приобретали начальное ударение в изолированной позиции. Это правило предполагает, что акцентуация словоформы не зависит от ее значения или от морфологического поведения суффикса, а определяется просодическими признаками составляющих морфем. Если приписать классу I маркировку H («высокий» тон), а классу II — маркировку L («низкий» тон), все возможные типы двусложных слов могут быть записаны следующим образом: *HN*, *HL*, *LH*, *LL*.

Дыбо сравнил различные типологически сходные акцентные системы и пришел к выводу, что системы этого типа обычно возникают в результате фонологизации соотношенного с тонами акцентного контура, сопряженного с падением тоновых различий [5, с. 148]. Таким образом, балто-славянскую акцентную систему можно объяснить, если предположить, что индоевропейский праязык обладал тональным противопоставлением доминантных и рецессивных морфем, или, другими словами, системой с высоким и низким тонами.

0.2. Аргументы в пользу гипотезы о праиндоевропейских тонах. Приводимые ниже данные недавно обсуждались Ф. Х. Х. Кортландтом [6], который привел еще три доказательства: ведийскую акцентную систему, греческие акцентуационные законы и консонантную структуру праи.-е. корней².

В е д и й с к и й с а н с к р и т имеет некоторые особенности, являющиеся пережитками тоновой системы. 1) Ведийские трехчленные оппозиции типа *māhas* им., вин. пад. ед. ч. ср. р. «власть, сила, величие» vs.

² Различие между долгими гласными под акутом и циркумфлексом, часто постулируемое для праи.-е., разумеется, не имеет ничего общего с обсуждаемым тональным противопоставлением. В той же работе Кортландт показал, что противопоставление акута и циркумфлекса возникло независимо в отдельных языках и не может реконструироваться для праязыка.

māhās род. пад. ед. ч., вин. пад. мн. ч. от *māh-* прил. «большой» vs. *mahas* в вокативной группе *maha rtasya gopā* (VII, 64, 2) ³ «О, хранители великого закона!» являются тональными в том смысле, что в языке без тонов двухсложное слово может иметь не более двух различных акцентуаций (ср. русск. *мѹ́ка* vs. *мукá*), в то время как в «тоновом» языке существует более двух возможностей [7]. 2) В ведийском нет ограничений на число следующих друг за другом ударных или безударных слогов, ср. *itthā yé prāḡ úpa-re* (X.44.6) и *imām me gaṅge yamune sarasvati* (X.75.5). 3) Тот факт, что одни ведийские частицы являются ударными (*id, ná, hí* и т. д.), а другие — безударными (*cid, vā, sma* и т. д.) без какой-либо очевидной причины, явно представляет собой пережиток тональной системы.

Греческие акцентуационные законы могут быть объяснены только в терминах ассимиляции тонов. Греческий акут характеризовался восходящим движением тона, а циркумфлекс — нисходящим. Предположив, что «безударные долгие гласные или дифтонги приобретали восходящий или нисходящий тон в соседстве с гласным с высоким тоном, даже если между ними находился слог, приобретавший в этом случае высокий тон, которым характеризовалось его окружение» [6, с. 157], и обозначая ударный гласный через $\acute{H}$ («высокий»), безударный гласный — через L («низкий») (долгие гласные и дифтонги записываются в виде $\acute{H}\acute{H}$, LL), а безударный гласный с высоким тоном — через M («средний»), можно сформулировать эти законы следующим образом:

Ограничительный закон (место ударения ограничено последними тремя слогами или последними двумя слогами, если конечный слог содержит долгий гласный или дифтонг): $\acute{_}\acute{_} - > \acute{_}\acute{_} - = \acute{H}\acute{-}L\acute{-}LL > > \acute{H}\acute{-}L\acute{-}ML > \acute{H}\acute{-}H\acute{-}ML > M\acute{-}\acute{H}\acute{-}ML$.

Закон Уилера (ударение передвигается с краткого гласного последнего слога на предпоследний слог, если предпоследний слог — краткий, а третий слог от конца — долгий): $- \acute{_}\acute{_} > - \acute{_}\acute{_} = = LL\acute{-}L\acute{-}\acute{H} > LM\acute{-}L\acute{-}\acute{H} > LM\acute{-}H\acute{-}H > LM\acute{-}\acute{H}\acute{-}M$;

соотвѣтствующий закон для ионийско-аттического (ударные долгие гласные и дифтонги в предпоследнем слоге имеют циркумфлекс, если конечный гласный является кратким, и акут, если конечный гласный является долгим): $\simeq \acute{_}\acute{_} = \acute{H}\acute{-}L\acute{-} (циркумфлекс) vs. \acute{_}\acute{_} = \acute{H}\acute{-}L\acute{-}LL > \acute{H}\acute{-}ML > > \acute{H}\acute{-}ML > M\acute{-}\acute{H}\acute{-}ML$ ($M\acute{-}$ — слог с восходящим тоном = акут).

Это соответствует трем тональным правилам:

- 1) $LL > LM$ или ML перед или после высокого тона [8, с. 222 и сл.];
- 2) $MLH, HLM > MHH, HHM$ (относительно таких правил ср. [9]);
- 3) в последовательности из трех слогов с низким тоном средний слог приобретает ударение ($HHM > H\acute{H}M$ и $MHH > M\acute{H}H$), которое можно объяснить, если предположить, что тональный контур в греческом (например, в случае $\acute{_}\acute{_}\acute{_}$) был $_ - _ - _$ или $L\acute{-}M\acute{-}H\acute{-}M\acute{-}L$ ⁴.

³ Здесь и далее в скобках приводятся ссылки на текст «Ригведы» (в соответствии с существующей традицией: номер мандалы, номер гимна, номер стиха. — Примеч. перев.).

⁴ Закон Вандриеса для аттического диалекта (ударение смещалось с долгого предпоследнего слога на краткий третий слог от конца, если последний слог был кратким: $\acute{_}\acute{_} > \acute{_}\acute{_}$) также интерпретируется Кортландтом в терминах тональной ассимиляции. Изменения должны были происходить следующим образом: $L\acute{-}\acute{H}\acute{-}L > H\acute{-}\acute{H}\acute{-}L > \acute{H}\acute{-}ML\acute{-}L$ — в соответствии с набором правил, слегка отличающихся от других законов. Это легко объяснить, поскольку закон Вандриеса засвидетельствован только в аттическом и, таким образом, является более поздним, нежели другие законы.

Ограничения на структуру корня. Тот факт, что праи.-е. корень не может одновременно содержать звонкий придыхательный и глухой смычный (см. 0.5), свидетельствует о том, что различие между глухими смычными и звонкими придыхательными было просодической характеристикой корня в целом. Сопоставляя этот просодический признак с обсуждавшимся выше противопоставлением тонов, «можно ожидать наличие корреляции между глухими смычными и высоким тоном — с одной стороны, и между звонкими придыхательными и низким тоном — с другой» [6, с. 158]. Праи.-е. гармония смычных находит аналогии в австронезийских языках ябем и нумбами, где звонкость смычных коррелирует с противопоставлением по высоте тона [10]. В этих языках смычные, входящие в состав одной морфемы, либо все должны быть глухими, либо все — звонкими. В первом случае тон — высокий, во втором — низкий. Согласно Кортландту, связь между ограничениями на структуру праи.-е. корня и тонами способна также разрешить проблему двойной маркированности ((+ звонкий, + придыхательный)) праи.-е. звонких придыхательных, необычной с типологической точки зрения. Поскольку и звонкость, и аспирация часто сопровождаются низким тоном, можно предположить, что и звонкость, и придыхание, и низкий тон происходят из одного фонологического признака — «слабый», или «ненапряженный» (lax). Начальный слабый согласный должен был обуславливать низкий тон на следующем гласном, который, в свою очередь, должен был влиять на следующий согласный, также становившийся слабым. Такая ситуация засвидетельствована в настоящее время в языке ябем.

0.3. Существующие исследования по просодическим классам морфем (работы Дыбо по балто-славянским языкам и [11] по ведийскому) затрагивают проблемы словоизменения и вторичного словообразования и, таким образом, посвящены синхронному описанию отдельных языков. Однако чтобы доказать и.-е. характер тоновых противопоставлений, необходимо проанализировать и.-е. первичное словообразование, которое, возможно, сохраняет акцентуационные правила праязыка. Поскольку глагол вряд ли может дать какую-либо информацию о просодических классах морфем, следует обратиться к первичному именному словообразованию.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что праи.-е. акцентуация реконструируется на основе ведийского санскрита. В настоящей работе ставится двойная задача: во-первых, выяснить, способна ли тональная теория объяснить материал ведийского именного словообразования, т. е. можно ли распределить все корни и суффиксы по двум просодическим классам, и, во-вторых, установить, окажется ли возможным при такой классификации выделить признаки, общие для всех представителей каждого из классов. Я буду также привлекать к рассмотрению греческие, германские или балто-славянские параллели, если их акцентуация окажется релевантной.

Чтобы разбить морфемы на просодические классы, я проанализировал по отдельности дериваты каждого суффикса. Корневые морфемы этих дериватов автоматически распределились по двум классам: корни баритонированных и корни окситонированных имен. На следующем этапе я попытался выяснить, имеют ли корни, принадлежащие к одному классу, сходную консонантную структуру (об обозначениях см. 0.5). Исходя из предположения, что выделенные классы не пересекаются, причем корни одной структуры попадают в один и тот же класс, мы получаем распределение корневых морфем по классам. На основе этого распределения мо-

но сравнивать другие суффиксы, с тем чтобы установить распределение суффиксальных морфем. Предварительный анализ показывает, что суффиксы основ на *-i-* и *-u-* — с одной стороны, и суффиксы основ на *-a-* — с другой, обнаруживают идентичное акцентологическое распределение. Другие типы основ не дают никакой информации об интересующем нас распределении.

На основании сравнения различных суффиксов можно установить различные типы корневой структуры. Релевантными оказались три критерия: (1) Сколько смычных содержит корень: ни одного, один или два? Корни структуры TTeR (например, **tkel-*) рассматриваются как содержащие один смычный, в отличие от структур типа TeT, (s)TeD^h и т. д. (2) Является ли смычный (если он есть) смежным (т. е. находится ли он в непосредственном соседстве) со слоговым ядром или нет? Этот критерий важен, т. к., например, структуры SRT и SeRT обнаруживают различную акцентуацию. В первой из них смычный является смежным со слоговым ядром, во второй — нет. (3) Если корень содержит смычный, имеется ли в составе корня начальный ларингал? По-видимому, корни, содержащие один смычный, с начальным ларингалом и без него (например, HRD vs. RD) имеют различную акцентуацию.

С учетом этих критериев получаем следующие категории:

Категория 1. Корни без смычных.

Категория 2. Корни с одним смычным без начального ларингала.

А. Дериваты со смежным смычным.

В. Дериваты с несмежным смычным.

Категория 3. Корни с одним смычным и с начальным ларингалом.

А. Дериваты со смежным смычным.

В. Дериваты с несмежным смычным.

Категория 4. Корни с двумя смычными.

А. Дериваты с двумя смежными смычными.

В. Дериваты с одним смежным смычным.

С. Дериваты с двумя несмежными смычными.

0.4. Отбор материала. Анализируемый ниже материал взят из обратного словаря в [12]. Из этого словаря я исключил слова, принадлежащие к морфологически продуктивным категориям с постоянным ударением (например, инфинитивы на *-āye*, деепричастия на *-tvā*), слова с неясным этимологией и/или значением (в основном я следовал этимологическому анализу [13]), слова неиндоевропейского происхождения, собственные имена, сложные слова (однако первые компоненты сложных слов включены в материал), звукоподражания, отыменные образования, слова, образованные от вторичных глагольных основ, и окказионализмы. Я также исключил из рассмотрения слова с достоверной индоиранской этимологией, но с неясными связями за пределами этой ветви.

Кроме того, из рассмотрения были исключены суффиксы, которые утратили способность участвовать в акцентологических противопоставлениях и обнаруживают постоянную акцентуацию. Например, все имена, образованные с помощью суф. *-nú-*, являются в «Ригведе» окситонированными, ср.: *kṣernú-* «метание», *dhenú-* «дойная корова», *sūnú-* «сын» и т. д. Более того, сложные суф. *-snú-*, *-iṣnú-*, *-tnú-*, *-atnú-*, *-itnú-* также всегда характеризуются окситонезой. Таким образом, суф. *-nu-* обнаруживает продуктивную окситонезу и не может использоваться при анализе. С другой стороны, некоторые суффиксы, которым часто приписывалась постоянная

акцентуация, включены в материал. В частности, прилагательные на -и- обычно причисляются к продуктивно окситонированным. Большинство из них действительно являются окситонированными, но сохраняются также отдельные баритонированные прилагательные (*gh̥su-* «веселый», *tāku-* «спешащий», *tāri-* «пылающий, жаркий», *mādhu-* «сладкий», *vāsu-* «благодать» и т. д.), заставляющие предположить, что санскрит сохранил следы древнего распределения.

0.5. Реконструкция отдельных слов опирается на реконструкцию праи.-е. фонологической системы. В связи с этим представляется целесообразным привести праи.-е. систему фонем, используемую в настоящей работе: 1) Согласные: смычные — простые T ($p \ t \ k \ k^w$), глоттализированные D ($\{b\} \ d \ g \ g^w$), придыхательные D^h ($b^h \ d^h \ g^h \ g^wh$); сibilant S (s); ларингалы H ($H_1 \ H_2 \ H_3$); 2) Сонанты: R ($i \ u \ r \ l \ m \ n$); 3) Гласные e ($e \ o \ ē \ ō$).

По поводу класса 1. В 1973 г. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов по типологическим соображениям предположили, что праи.-е. звонкие непридыхательные были на самом деле глоттализированными [14]. Дальнейшие сравнительные исследования, проводившиеся на обширном материале, вскрыли новые факты, подтверждающие эту теорию, обзор которой содержится в [15]. Однако чтобы не усложнять изложение, я сохраняю традиционную нотацию. Что же касается часто постулируемой серии простых велярных ($k \ g \ g^h$), то я считаю, что это результат различного рода нейтрализаций палатальной и лабиовелярной серий [16] и что без нее можно обойтись при реконструкции и. е. праязыка. Уже в праиндоевропейском позиции после s , а также перед и после i были позициями нейтрализации. Однако не все детали этого процесса ясны, поэтому иногда я не смогу избежать реконструкции простых велярных. Похоже, что позицией нейтрализации было также соседство с H_2 , но условия, в которых происходили изменения, неясны и для их установления требуются дальнейшие исследования.

По поводу класса 2. Каждый праи.-е. сонант имел вокалический и консонантный аллофоны. Правила вокализации были специфическими для отдельных языков, и специальное обозначение слоговых вариантов в праи.-е. реконструкциях представляется не только избыточным, но и приводящим к ненужным усложнениям и недоразумениям.

По поводу класса 3. Вопреки распространенному мнению, праиндоевропейский скорее всего не имел фонемы $*a$ [17]. Все реконструируемые a восходят к H_2 или к сочетанию H_2 с e .

При построении реконструкций я исходил из следующих презумпций, касающихся структуры праи.-е. корня: (1) Поскольку корни вида $Te(R)D^h$ - или $D^h e(R)T$ - были невозможны в праиндоевропейском, следует реконструировать для корней, которые, на первый взгляд, имеют структуру $TeRD^h$ -, формы с s -mobile [корни вида $*(s)TeRD^h$ - прекрасно засвидетельствованы [18]]; (2) И.-е. корень не может содержать два непридыхательных звонких смычных: корни структуры $De(R)D$ - невозможны [18]; (3) Корни, которые, на первый взгляд, начинаются на гласный, имеют начальный ларингал [19]; (4) Корни, которые, на первый взгляд, начинаются на $*r$ -, имеют начальный ларингал [20].

1. Основы на -i- и -u-.

1.0. Санскритские данные об акцентуации основ на -i- и -u- особенно важны, поскольку в других языках эти категории подверглись широкомасштабным инновациям. В греческом не осталось почти никаких следов первоначального распределения (ср. 1.1.3). Все германские языки за исключением готского обобщили в основах на -i- окситонезу, в то время как

балто-славянский обычно обнаруживает подвижный акцентный тип в основах на *-i-* и *-u-* [21, §§ 22 и сл., 56 и сл.]. С другой стороны, в санскрите мы не обнаруживаем почти ни одной продуктивной модели для основ на *-i-* и *-u-*. Можно упомянуть только баритонезу имен среднего рода, типичную для основ на согласный, и окситонезу суффикса *-ni-*.

1.1. Индоиранское ларингальное передвижение ударения.

1.1.1. Прежде чем перейти к описанию категорий, перечисленных в 0.3, необходимо обсудить одно акцентологическое правило, которое, насколько мне известно, до сих пор не было замечено. Факты свидетельствуют о том, что основы на *-i-* и *-u-*, образованные от корней с конечным ларингалом (корни типа *seṭ*), характеризуются, как правило, окситонезой, ср. скр. *āti-* жен. р. «водяная птица» < $*H_2nH_2-ti-$; *urū-* прил. «широкий» < $*H_1urH-$ *-u-*; *ūtī-* жен. р. «помощь» < $*H_2uH-ti-$; *kavi-* прил. «мудрый», муж. р. «провидец; поэт» < $*ke/ouH-i-$, *gūrtī-* жен. р. «хвала» < $*g^{w}rH-ti-$; *jantū-* муж. р. «творение» < $*ge/onH_1-tu-$ и т. д. (40 основ).

Обнаруживается только два исключения из правила о повсеместной окситонезе основ на *-i-* и *-u-*, образованных от корней *seṭ*: 1) *dhātī-* «сотрясатель, возбудитель» < $*d^h uH-ti-$, вероятно, имеет акцентуацию вокатива. Это слово встречается в «Ригведе» только в формах зват. пад. мн. ч. (7 раз) и им. пад. мн. ч. (4 раза), причем им. пад. мн. ч. засвидетельствован только в поздних гимнах: в I мандале (3 раза) и в стихе V, 61, 4 (в составе дополнительных гимнов V мандалы). Частое использование этого слова в вокативе объясняет также персонификацию ожидаемого значения «сотрясение, возбуждение»: зафиксировано существительное мужского рода со значением имени деятеля; 2) относительно *sānitu-* муж. р. (?) «приобретение» (1, 8,6) < $*se/onH_2-tu-$ см. § 1.1.7.

Другие примеры баритонезы ненадежны: этимология *cāru-* прил. «приятный» неясна, поскольку часто предлагаемое сопоставление с лат. *cārus* «дорогой», гот. *hōrs* «нарушитель супружеской верности» и т. д. < $*keH_2-gu-$ не могут объяснить палатальное *c-* в санскрите; поведение основы *hīri°* «золотой» носит противоречивый характер: наряду с *hīriśmaśru-* прил. «золотобородый» и *hīrimant-* прил. «золотой» мы находим сложное слово типа *bahuvrīhi hīriśiprā-* «золотоусый», указывающее на акцентуацию $*hīri°$ (закон Вакернагеля); наличие ларингала в *hāri-* прил. «желтоватый» < $*g^he/ol(H)-i-$ неочевидно, т. к. корень со значением «желтый, зеленый, золотой» появляется в и.-е. языках как с конечным ларингалом, так и без него (греч. *χλωρός*, скр. *hīraṇya-* и т. д. — с ларингалом vs. лат. *helvus*, литов. *želvas* и т. д. — без ларингала).

1.1.2. Более того, основы на *-i-* и *-u-*, образованные от корней со срединным ларингалом в полной ступени, т. е. от корней типа (C)CeHC-, являются окситонированными, ср. *āri-* муж. р. «друг» < $*H_1eH_1p-i-$, *kārū-* муж. р. «поэт» < $*keH_2r-u-$, *bāhū-* муж. р. «рука» < $*b^heH_2g^h-u-$, *svādū-* прил. «сладкий, приятный» < $*sueH_2d-u-$ и т. д. (8 основ). Единственный контрпример — *sētu-* муж. р. «мост» < $*sH_2éi-tu-$ или $*séH_2i-tu-$ — не позволяет сделать однозначных выводов.

1.1.3. Эта повсеместная окситонеза производных на *-i-* и *-u-* от корней с конечным и срединным ларингалом не восходит к общеиндоевропейскому состоянию. Несмотря на то, что данные других и.-е. языков довольно ограничены, мы обнаруживаем отдельные основы на *-i-* и *-u-*, образованные от корней с конечным или срединным ларингалом, но свидетельствующие о баритонезе.

В греческом мы находим лишь следы первоначального акцентного распределения основ на *-i-* и *-u-*: *i-*основы становятся баритонированными,

а и-основы образуют новую оппозицию: окситонированные прилагательные vs. баритонированные существительные. Это распределение носит поздний характер, что явствует из акцентуации прилагательных на *-Fo-*, которые представляют собой греческую тематизацию и-основ. Здесь мы не обнаруживаем единообразной акцентуации, и я допускаю, что эти прилагательные сохранили первоначальное ударение. Существенными для решения наших задач являются слова *δοῖρος* «стремительный», *λεῖος* «гладкий», *οὐλος* «губительный», которые, очевидно, были образованы от баритонированных прилагательных на *-u-* — **dhórH₃-u-*, **léH₁i-u-* и **H₃élH₁-u-* соответственно.

Что касается германского материала, можно упомянуть др.-англ. *māþ* «мера; уважение» < **méH₁-ti-*, гот. *seiþus* «вечер» < **séH₁i-tu-* [22], гот. *nauþs* «нужда» < **nóHu-ti-*. В балто-славянском трудно найти бесспорные примеры баритонированных основ на *-i-* и *-u-* в соответствии с законом Хирта. Тем не менее два слова, как мне кажется, заслуживают внимания: литов. *pilis* (диал. а. п. 2) ⁵ «замок» < **(t)píH₃-i-* [21, § 22] и *ántis* (а. п. 1) «утка» < **H₂énH₂-ti-* [21, § 22], особенно если учесть, что для балто-славянских основ на *-i-* и *-u-* был обобщен подвижный тип.

1.1.4. Санскритская окситонеза вряд ли могла возникнуть по аналогии, поэтому следует предположить передвижение ударения с корня на суффикс. Хронология и условия этого передвижения, которое я буду называть «ларингальным передвижением ударения», могут быть уточнены; для этого необходимо рассмотреть несколько групп корней со срединным ларингалом, в которых это передвижение, очевидно, не происходило.

1.1.5. В другой работе [23] я попытался показать, что ларингалы были утрачены перед непридыхательными звонкими согласными (*mediae*) в индоиранском, если за *mediae* следовал согласный (**-HDC- > -DC-*), ср. следующие примеры: скр. *pājas-* ср. р. «остов» vs. *pajrá-* прил. «твердый», праи.-е. корень **peH₂g-* (греч. *πῆγιμι* «делать прочным»); скр. *rādati* «грызть, кусать» (первоначально — атематический, ср. 2 л. ед. ч. импер. *rātsi*), праи.-е. корень **HreH₂d-* (лат. *rādō, rōdō* «царапать, кусать»); скр. *svādū-* прил. «сладкий» vs. *svādāti* «является сладким» (вероятно, первоначально атематический, **svad-ti*), праи.-е. корень **sueH₂d-* (греч. *ῥῆδος* «сладкий»).

Это правило, непосредственно позволяющее объяснить многие краткие *a* в индоиранском, не прибегая к реконструкции праи.-е. фонемы **a*, становится понятным, если предположить, что и.-е. *mediae* были глоттализированными (ср. 0.5) и что три ларингала совпали в индоиранском в глоттальной смычке [24, с. 244]: **CeHDC = *CeH³DC- > и.-ир. *Ca² DC- > > Ca²DC-*. В нашем случае это правило касается следующих трех слов:

О х у т о н а: скр. *bhakti-* «распределение» < **b^hceH₂g-ti-* (ср. греч. *φαγεῖν*);

В а р у т о н а: *īṣṭi-* жен. р. «жертвоприношение» < **iH₂g-ti-* (ср. греч. *ἰϋός*); *yáju-* прил. «поклоняющийся, благочестивый» < **ieH₂g-iu-*.

Поскольку *īṣṭi-* и *yáju-* баритонированы, они, очевидно, не подвергались ларингальному передвижению ударения, которое, таким образом, происходило после исчезновения ларингалов перед *mediae* в индоиранском, так что ко времени передвижения эти слова не содержали больше срединных ларингалов.

1.1.6. Ларингальное передвижение, по-видимому, не происходило в словах, подвергавшихся так называемой «ларингальной метатезе»

(CHRC > CRHC) ⁶. Засвидетельствованы и окситонированные, и баритонированные основы, ср.:

О х у т о н а: *kīrti-* жен. р. «слава» < **kH₂r-ti-*; *pīti-* жен. р. «питье, напиток» < **pH₂i-ti-*; *bhūti-* жен. р. «процветание, могущество» < **b^hH₂u-ti*; *jīri-* муж./жен. р. «текущая вода» < **g^uH₂i-ri*, если это слово связано с скр. *jīvā-* прил. «живой» и дериватами от этого же корня (ср. 2.3);

В а р у т о н а — скр. *bhūmi-* жен. р. «земля» < **b^hH₂u mi*; *bhūri-* прил. «обильный» < **b^hH₂u-ri-*.

Баритонеза *bhūmi-* и *bhūri-* свидетельствует о том, что в индоиранском ларингальное передвижение предшествовало ларингальной метатезе. Окситонеза *bhūti-* (один раз засвидетельствовано в I мандале) вполне может быть вторичной, в то время как аналогичный характер акцентуации *bhūmi-* и *bhūri-* не вызывает сомнений.

1.1.7. Баритонеза *sānitu-* (ср. 1.1.1) может указывать на то, что вокализация интерконсонантных ларингалов ⁷ предшествовала передвижению ударения (это вполне может быть доказано). Скр. **duhitār-* «дочь» < **d^hug^hH₂ tér-* (каковы бы ни были проблемы, связанные с этим словом) свидетельствует о том, что вокализация ларингала в *i* происходила до палатализации *-g^h-* > *-j^h-*, которая предшествовала совпадению **e* и **o* в и.-ир. а. Последующие изменения, вероятно, связаны с совпадением трех ларингалов в глоттальной смычке, произошедшим после фонетических изменений в соответствии с законом Бругмана [28]. Совпадение **H₁*, *H₂*, *H₃* > ? должно было происходить до утраты ларингалов в позиции перед *mediae* (*[?]*D* > [?]*D*) и, следовательно, до передвижения ударения (см. выше). Получаем следующую хронологическую последовательность фонетических изменений:

1) Закон Бругмана (*ante* 4, 5); 2) И.-ир. вокализация интерконсонантных ларингалов (*ante* 3); 3) Палатализация (*ante* 4); 4) Совпадение **e*, *o*, *a* в и.-ир. **a*; 5) Совпадение **H₁*, *H₂*, *H₃* в *[?] (*ante* 6); 6) Утрата ? перед *mediae* (*ante* 7); 7) Ларингальное передвижение ударения (*ante* 8); 8) Ларингальная метатеза.

1.1.8. Ларингальное передвижение ударения не затрагивает основы на *-a-*, ср. *kāma-* муж. р. «желание», *pūrva-* прил. «первый» и т. д. Существует еще два свидетельства того, что в индоиранском *i* и *u* отличались в просодическом отношении от *a*: 1) закон Вакернагеля, согласно которому в словах на *-ī-*, *-ū-*, *-ē-* и *-ō-* ударение переносилось на следующий слог

⁶ Я кратко опишу причины, заставляющие реконструировать ларингал перед сонантом в этой группе слов. Реконструкция праформы к *pīti-*, образованному от праи.-е. корня **reH₂i-*, вряд ли вызывает сомнение. О положении ларингала в скр. *kīrti-* свидетельствует скр. *kārti-* «поэт», греч. *κῆροξ* «глашатай» < **keH₂g^u-u-* и т. д. Что же касается корня **bhū* «быть», то Кортландт показал в ряде работ [25, 26], что и тут ларингал предшествовал сонанту. Существуют убедительные доказательства этого тезиса на кельтском материале (ср. др.-ирл. 1, 2 л. ед. ч. прет. глагола *-bá* «быть» < **v^hāw-V-*), в балто-славянском (например, конечное ударение русск. *былá*) и санскрите, где единственный пример нулевой ступени в активных формах ед. числа корневого аориста (*ābhūvat*, *ābhūḥ*, *ābhūt*) свидетельствует о том, что фонетически регулярные формы были бы аномальными и не образовывались от основы **ābhavi-*, которая совпала бы с основной *iḥ*-аориста. К фактам, собранным Кортландтом, можно добавить загадочную санскритскую форму 2 л. ед. ч. импер. аор. *bodhi* от того же корня, которая может быть легко объяснена, если реконструировать **b^heH₂u-d^hi*. Из этого следует, что *bodhi* сохранило первоначальный вокализм аориста, который был замещен в *ābhūt* и т. д. из-за «нерегулярного» аблаута *-o-* : *-ū-*.

⁷ Это касается индоиранской вокализации интерконсонантных ларингалов в последнем слоге слова и в позиции перед двумя согласными [27]. Затем ларингал, по-видимому, вокализовался в косвенных падежах и.-ир. **sāniftu-*.

в сложных словах и при вторичном словообразовании, в то время как в словах на *-ā-* ударение сохранялось на прежнем месте [29]; 2) *praśliṣṭa-sandhi*: комбинация ударений *udātta* + *svarita* на *i* дает ударение типа *svarita*, однако та же самая комбинация на *ā* дает *udātta*, ср. *divīva* «словно на небе», *abhihi* «подойди» vs. *ihāsti* «здесь есть» и т. д. Это различие может быть объяснено, если предположить, что *udātta* на *i* характеризовалось более низким тоном, нежели на *a*. Аналогичное объяснение требуется и в случае действия закона Вакернагеля, когда ударные *i*, *ū* и т. д. не сохраняют ударения.

Существует одна фонологическая проблема, связанная с ларингальным передвижением ударения. Гласные, за которыми следовали ларингалы, в большинстве случаев притягивали ударение (ср. закон де Соссюра для литовского, закон Хирта для балто-славянского) или препятствовали прогрессивному сдвигу ударения (закон Дыбо для славянского). Тем самым прогрессивный сдвиг ударения с «ларингализованного» гласного не поддается объяснению, особенно в тех случаях, когда ударение сдвигается на *i* или *u*, которые скорее должны были бы отталкивать ударение, нежели притягивать его. Я не в состоянии разрешить эту проблему, однако это явление носит более древний характер, и, возможно, нам удастся найти объяснение позднее.

1.1.9. Подводя итоги, можно констатировать, что все основы на *-i-* и *-u-*, образованные от корней с конечным или срединным ларингалом, являются окситонированными в санскрите благодаря индоиранскому ларингальному передвижению ударения. Это означает, что все слова, подвергнувшиеся передвижению ударения, допускают двоякую интерпретацию в том, что касается их акцентуации. Они не могут непосредственно отражать н.-е. акцентуацию и, следовательно, в дальнейшем исключаются из рассмотрения. С другой стороны, слова из 1.1.5—7, не обнаруживающие передвижения ударения, включены в исследуемый материал.

1.2. Категория 1. Корни без смычных.

В а р у т о н а: *°árṣu-* (в *ahyárṣu-* «пронзающий змей») < **H₂ers-u-*; *āvi-* муж., жен. р. «баран, овца» < **H₃eu-i-* (о **H₃e* см. [30, 28]; ср. также литов. *avis* тж. с баритонированными формами у Даукши [21, § 22]); *āsu-* муж. р. «жизнь, существование» < **H₁es-u-* [31]; *ūsri-* прил. «утренний» < **H₂us-ri-*; *ōtu-* муж. р. «уток ткани» < **H₁eu-tu-*; *mānu-* муж. р. «человек» < **mon-u-* (краткое *a*, противоречащее закону Бругмана, возможно, возникло в косвенных падежах, так как **monu-* относилось к гистеродинамическому словоизменительному типу в праиндоевропейском, ср. герм. **mann-* < **monu-*): *yāti-* жен. р. «руководство, руководитель (?)» < **im-ti-*; *yóni-* муж. р. «путь; местопребывание» < **H₁iou-ni-* (корень **yu-* — распространение **H₁ei-* «идти»); *rāmsu°* (в *rāmsujihva-* «имеющий приятный язык») < **Hrem-su-*; *rānti-* жен. р. «оживление» < **Hrem-ti-*; *vāsu-* прил. «хороший, благой», муж. р. «бог», ср. р. «блага» < **H₁ues-u-* (ср. др.-в.-нем. имена *Wisu-rih*, *Wisi-mār* и т. д.); *vāstu-* жен. р. «утро» < **H₂ues-tu-*; *svāru-* муж. р. «жертвенный столб» < **suer-u-*; *māntu-* муж. р. «совет; советник» < **men-tu-*; *sāntu-* муж. р. (?) «приобретение» < **selonH₂-tu-* (см. 1.1.7); *sētu-* муж. р. «связь, мост» < **sH₂éi-tu-/sēH₂i-tu-* (см. 1.1.2); *sōtu-* муж. р. «выжимание (Сомы)» < **seu-tu-*.

О х у т о н а: *así-* муж. р. «меч, жертвенный нож» < **(H)ns-i-*; *ití-* жен. р. «ходьба» < **H₁i-ti-*; *iṣṭí-* жен. р. «желание» < **H₁is-ti-*; *ṛtú-* муж. р. «надлежащее время» < **H₂r-tu-*; *ṛṣú-* муж. р. «пламя» < **H₁rs-u-*; *ṛṣí-* жен. р. «копье» < **H₂rs-ti-*; *matí-* жен. р. «мысль» < **mn-ti-* (ср. гот. *gamunds* «воспоминание»); *manyú-* муж. р. «сознание» < **men-tu-*

или **mn-iu-*; *miṭi-* жен. р. «установление» < **mi-ti-*; *viṣṭi-* жен. р. «деятельность» < **uis-ti-*; *vṛṣṭi-* жен. р. «дождь» < **H₁urs-ti-*; *vṛṣṇi-* муж. р. «баран», прил. «бараноподобный» < **H₁urs-ni-* (*vṛṣṇi-* прил. «быкоподобный») подверглось влиянию *vṛṣan-* «бык»); *sruti-* жен. р. «дорога, путь» < **sru-ti-*.

Распределение очевидно: слова с нулевой ступенью корня являются окситонированными (13 : 2); слова с полной ступенью корня — баритонированными (15 : 0) (*manu-* может иметь нулевую ступень корня). Имеется два исключения: 1) *ūsri-*, вероятно, является санскритским деноминативным образованием от *r-* -основы *uśār-* «заря», ср. также *usrá-*; 2) для *yāti-* (VII, 13, 1; интерпретация фрагмента IX, 71, 7 не вполне ясна) в [32] рассматривается возможность альтернативной деривации от корня *yat-*.

1.3. Категория 2. Корни с одним смычным без начального ларингала.

А. Дериваты со смежным смычным.

В а р у т о п а: *iṣṭi-* жен. р. «жертвоприношение» < **iH₂g-ti-* (см. 1.1.6); *gāti-* жен. р. «движение» < **g^wm-ti-* (ср. гот. *gaqumþs* «собрание»); *ghṛṇi-* муж. р. «солнечный жар» < **g^wh-r-ni-*; *ghṛsu-* прил. «оживленный» < **g^wh^{rs}-u-*; *ghṛsvi-* прил. «оживленный» < **g^wh^{rs}-ui-*; *jāsu-* жен. р. «истощение» < *(s)*g^wes-u-*; *jīti-* жен. р. «победа» < **g^wi-ti-*; *jūṣṭi-* жен. р. «предрасположение, милость» < **gus-ti-*; *tāntu-* муж. р. «нить» < **ten-tu-*; *dṛṣṭi-* муж. р. «кожаный мешок» < **dr-ti-* (ср. гот. *gataurþs* «разрушение»); *dhrūti-* жен. р. «нарушение (порядка)» < **d^hur-ti-*; *bhūmi-* жен. р. «земля» < **b^hH₂u-mi-* (см. 1.1.6); *bhūtri-* прил. «обильный» < **b^hH₂u-ri-* (см. 1.1.6); *bhṛmi-* прил. «бесстрастный» < **b^hrm-i-* (акцентуация в III, 62,1 *bhṛmāyah*, вероятно, вторична); *mādhū-* прил. «сладкий», ср. р. «мед» < **medh-u-*; *mūhu-* (в наречиях *mūhu*, *mūhuḥ* «вдруг» с пракритским *-u-* < **-r-*) < **mrḡh-u-*; *yājyu-* прил. «поклоняющийся» < **ieH₂g-iu-* (см. 1.1.5); *vādhrī-* прил. «кастрированный» < **und^h-ri-*; *vāhni-* прил. «управляющий колесницей», муж. р. «тягловое животное» < **veḡh-ni-*; *vṛddhi-* жен. р. «усиление» < **urd^h-ti-*; *sāhyu-* прил. «сильный» < **seḡh-iu-*; *hānu-* жен. р. «челюсть» < **g^hen-u-* (и.-е. параллели свидетельствуют о **genu-*, ср. греч. γένος т. ж. и т. д.); *hāri-* прил. «желтоватый» < **g^hel-i-* (см. 1.1.1); *hārṣi-* (в наречии *hārṣyā* «в возбуждении») < **g^wh^{ers}-i-*; *hṛṣi^o* (в *hṛṣivant-* прил. «радостный») < **g^wh^{rs}-i-*.

О х у т о п а: *kīrti-* жен. р. «слава» < **kH₂r-ti-* (см. 1.1.6); *kṛṣṭi-* жен. р. «борозда» < **k^wls-i-*; *kṛṣṭi-* жен. р. «граница», мн. ч. «народ, племя» < **k^wls-ti-*; *ksiti-* жен. р. «жилище» < **t^hki-ti-*; *carū-* муж. р. «судно» < **k^wer-u-*; *jīri-* муж./жен. р. «текущая вода» < **g^wH₃i-ri-* (см. 1.1.6); *tantī-* жен. р. «веревка» < **ten-ti-*; *tṛṣū-* прил. «жадный» < **trs-u-*; *pitū-* муж. р. «пища» < **pi-tu-*; *pīti-* жен. р. «питье, напиток» < **pH₃i-ti-* (см. 1.1.6); *puṣṭi-* жен. р. «процветание» < **pus-ti-*; *bhūti-* жен. р. «процветание» < **b^hH₂u-ti-* (см. 1.1.6); *bhṛti-* жен. р. «поддержка» < **b^hr-ti-*; *bhṛṣṭi-* жен. р. «точка, острие» < **b^hrs-ti-*; *ripū-* прил. «вероломный» < **lip-u-*; *śastī-* жен. р. «восхваление» < **kns-ti-*; *sikṭi-* жен. р. «излияние» < **sik^w-ti-*; *stuti-* жен. р. «хвалебный гимн» < **stu-ti-*; *harṣū^o* (в *harṣumānt-* «возбужденный») < **g^wh^{ers}-u-*.

Это важный момент нашего исследования. В отличие от предыдущей категории ступень аблаута корня не играет здесь никакой роли: зафиксирована и ударная нулевая ступень (*iṣṭi-*, *gāti-* и т. д.), и безударная полная ступень (*tantī*, *carū*, *harṣū^o*). Решающим фактором здесь, по-видимому, является тип смычного. Слова с *D* и *D^h* в корне, как правило, являются баритонированными (24 : 5), а слова с *T* в корне — окситони-

рованными (13 : 1). Для второй части правила есть только одно исключение — *tāntu-*. Исключения в случае D/D^h более многочисленны: 1) окситонеза *bhūti-* (является ударным только в I, 161, 1) вполне понятна, поскольку почти все производные на *-ti-* с долгим *ī* или *ū* в корне окситонированы в результате ларингального передвижения ударения, ср. *dhīti-* «мысль», *jūti-* «спешка; возбуждение», *ūti-* «помощь, поддержка» и т. д.; то же справедливо для *jīri-*; 2) *harṣū°* (*harṣumānt-* один раз встречается в VIII мандале) и *bhṛṣī-* (один раз в I мандале) засвидетельствованы слабо; 3) единственное серьезное исключение — *bhṛti-*; заметим, однако, что тот. *gabaurpai* свидетельствует о баритонезе этого слова (окситонеза др.-англ. *zebyrd*, др.-в.-н. *giburt* и т. д. вторична, ср. 1.0).

Что же касается *dharnī-* муж. р. (I, 127, 7 *agnīr iṣe vāsūnām śúcir yó dharnīr eṣām* «чистый Агни владеет богатствами, — (тот), который их хранитель» [33]), то эта форма, по-видимому, является окказионализмом, образованным параллельно к *agnī-*. К. Ф. Гельднер охарактеризовал автора гимна I, 127 как «богатого словами, но бедного мыслями» [33, с. 175].

Начальное *s-* (*stuti-*) и группа из двух согласных (*kṣiti-*), по-видимому, не влияют на акцентуацию. Ларингалы, очевидно, не препятствуют структурной смежности смычных со слоговым ядром.

В. Дериваты с несмежным смычным.

В а р у т о н а: *tvīṣi-* жен. р. «стремительность» < **tuis-i-*; *śrūti-* жен. р. «слушание, слух» < **klu-ti-*; *śrēṇi-* жен. р. «ряд» < **klei-ni-*; *śrōṇi-* жен. р. «бедро» < **klou-ni-*; *rēku-* прил. «пустой» < **leik^w-u-*; *vāṅkri-* жен. р. «ребро» < **uenk^w-ri-*; *svēdu°* (в *svēduhavya-* «в поту совершающий жертвенное возлияние») < **sueid-u-*.

О х у т о н а: *valgū-* прил. «приятный» < **uelg-u-*; *vīdū-* прил. «твердый» < **uisd-u-*; *śriti-* жен. р. «сито» < **kli-ti-*; *śrusti-* жен. р. «послушание» < **klus-ṭi-*.

Акцентное распределение, по всей видимости, зависит от ступени аблаута корня. Исключения: *tvīṣi-*, *śrūti-* и *valgū-*.

1.4. Категория 3. Корни с одним смычным и с начальным ларингалом.

А. Дериваты с одним смежным смычным.

В а р у т о н а: *°āśri-* (в *trirāśri-*) «угол» < **H₂ek-ri-*; *āhi-* муж. р. «змея» < **H₃eg^{wh}-i-*; *ṛjī°* (в *ṛjīti-* «идущий прямо») < праи.-е. **H₃rg-i-*.

О х у т о н а: *aktū-* муж. р. «свет, луч» < **Hng-tu-* [34, с. 81, и сл., 97]; *agnī-* муж. р. «огонь, бог огня» < (*H₂ng^w-ni-* [35] (*āṅgāra-* «уголь» заставляет предполагать начальный ларингал); *ṛjū-* прил. «прямой» < **H₃rg-u-*; *nṛti-* жен. р. «танец» < *H₂nrt-i-*; *nṛtū-* муж. р. «танцор» < **H₂nrt-u-* [36]; *raghū-* прил. «быстрый», муж. р. «скакун» < **H₁lng^{wh}-u-*.

В этой категории полная ступень корня также является ударной, а нулевая — безударной. Единственное исключение — *ṛjī°*.

В. Дериваты с одним несмежным смычным.

В а р у т о н а: *rāmhi-* жен. р. «поспешность» < **H₁leng^{wh}-i-*; *rājju-* жен. р. «веревка» < **Hresg-u-*.

О х у т о н а: *amhū-* (в наречии *amhōh* «от нужды») < **H₂eng^h-u-* (слав. *°rǫzъ* (а. п. б) указывает на баритонезу [37]); *añji-* муж., жен., ср. р. «украшение», прил. «выдающийся» < **Heng-i-*; *arci-* муж. р. «пламя» < **Herk^w-i-*.

По-видимому, существенным является положение ларингала: если ларингал — смежный со слоговым ядром, слово окситонировано, если нет — баритонировано.

1.5. Категория 4. Корни с двумя смычными.

А. Дериваты с двумя смежными смычными.

T...T

В а р у т о н а: *táku-* прил. «быстрый» < **tek^w u*; *tápu* прил. «горячий» < **tep-u-*; *páti* муж. р. «супруг» < **pot i-* [ср. литов. (Даукша) *pátis* [21, § 22]; греч. *πίσις* тж. и гот. *-faþs* «хозяин» допускают двоякую интерпретацию]; *přsni-* прил. «пестрый» < **prk^h-ni*.

О х у т о н а: *trpti-* жен. р. «удовлетворение» < **trp ti-* (*třpti* в «дополнительном гимне» IX, 113, 10 вторично, т. к. начиная с «Атхарваведы» мы наблюдаем распространение баритонезы в производных на *ti-*); *rakti-* жен. р. «варка» < **pek^w-ti-*; *paśú-* муж. р. «животное» < **pek^h-u⁸*, *śakti-* жен. р. «сила» < **kek^(w)-ti-* (баритонированное *śakti* — один раз в I мандале, три раза в X мандале — вторично, ср. *trpti-*).

Распределение неясно. Слова категории 4А часто имеют вторичную полную ступень (*rakti*, *śakti*), что могло нарушить исходное распределение.

(s) *T ... T*

В а р у т о н а: *křtu-* мн. ч. «раз» < *(s) *krt u*; *křti-* жен. р. «шкура» < *(s) *krt-ti-*; *cřti* жен. р. «мысль» < *(s) *kit ti-*; *śūci-* прил. «яркий, чистый» < *(s) *kuk i-* (о наличии *s mobile* свидетельствуют варианты того же корня *śubh-* «украшать», *śundh* «очищать», ср. 0.5); *śūpti* жен. р. (?) «плечо» < *(s) *kupti*.

О х у т о н а: *křti-* муж., жен. р. «нож (мясника)» < *(s) *krt i*.

В этой группе вероятна баритонеза (5 : 1).

(s) *T...D^h*

О х у т о н а: *křdhū-* прил. «искалеченный» < *(s) *krd^h u*; *śubhri* прил. «красивый» < *(s) *kub^h ri*.

D^h...D

О х у т о н а: *bhakti* жен. р. «распределение» < **b^heH₂g ti* (см. 1.1.5); *bhuji-* жен. р. «доставление наслаждения» < **b^hug i*; *bhujiyū* прил. с неясным значением, образованное от одного из омонимичных корней *bhuj-* < **b^hug-iu*.

D^h....D^h

О х у т о н а: *grhū* муж. р. «нищий» < **g^{(h)wlǵ^h-u}*; *dabnī* (в *dabhīti* «обманщик» < **d^(h)eb^h-i-*; *bahū-* прил. «великий, обильный» < **b^hnǵ^h u-*.

Поскольку акцентуация слов со смежными *D* и *D^h* (категория 2А) идентична, можно объединить последние две группы в одну. Для нее вероятна окситонеза (6 : 0).

В. Дериваты с одним смежным смычным

В а р у т о н а: *krātu-* муж. р. «сила, воля» < **kret-u-*; *krūdhami* прил. «раздражительный» < *(s) *krud^h-mi*; *chāndu-* прил. «приятный» < **skend-u-*; *bāndhu-* муж. р. «родство; родственник» < **b^hend^h-tu-* [34, с. 103].

О х у т о н а: *ketū-* муж. р. «свет, образ» < *(s) *keit-u* (ср. гот. *hai dus* < прагерм. **haidūs*, о *s-mobile* свидетельствует литов. *skaidrūs* «яркий, ясный»); *śankū-* муж. р. «колышек, гвоздь» < **konk^(w)-u-* (окситонеза засвидетельствована также в слав. *špъkъ* (а. п. с) «сук» [21, § 56]);

⁸ Наряду с окситонированным существительным муж. р. обнаруживается баритонированное ср. р. *paśu-*, зафиксированное также в герм. **fēhu-* «крупный рогатый скот, деньги» (гот. *faihu-*, др.-в.-н. *fihu* и т. д.) и литов. *pėkus* (а. п. 2) [21, § 23]. Баритонеза среднего рода продуктивна у основ на согласный; это означает, что окситонированные существительные мужского рода должны быть по меньшей мере столь же древними, как и существительные среднего рода.

śiti° (в śitipr̥sthā- «с белой спиной», śitipād- «белоногий» с акцентуацией в соответствии с законом Вакернагеля) < *śviti° ([35], ср. скр. śvityāñs- и авест. spiti. dōivra- «белоглазый») < *kuit-i.

Для группы *T...T* можно предположить окситонезу (вероятность 3 : 1) за одним исключением — *krātu-* (это слово может содержать *s-mobile*). Отметим, что здесь *D* и *D^h* также ведут себя аналогичным образом: и (*s*)*T...D^h*, и *sT...D* — баритонированы.

С. Дериваты с двумя несмежными смычными.

О х у т о п а: *kr̥ḍi-* прил. «быстрый, импульсивный» < **kr̥isd-i-*; *kr̥dū-* прил. «быстрый, импульсивный» < **kr̥isd-u-*. Скр. *k-*, вероятно, возникло по закону Вайзе (депалатализация перед **r* [40]).

Материал недостаточен для установления распределения.

2. Основы на -a-.

§ 2.0. Главная проблема, связанная с санскритскими *a*-основами (и с праи. е. *o*-основами в целом), заключается в их продуктивности. Источником происхождения праи.-е. *o* основ были основы на согласные и корневые имена, так что все *o*-основы имеют в конечном счете отыменное происхождение. Тематизация основ на согласные продолжала оставаться продуктивной в последующие периоды и в отдельных языках. Для нашего исследования важно, однако, определить возраст каждой *o*-основы: если она относится к праи.-е. периоду, ее акцентуация может быть древней; если это индоиранская или санскритская тематизация существующей основы на согласный или корневого имени, ее акцентуация не может наследовать первоначальное место ударения.

К сожалению, мы вряд ли в состоянии указать какие либо объективные критерии, позволяющие определить время тематизации той или иной *o*-основы. Чтобы застраховаться от ненадежных примеров, в тех случаях, когда позднее происхождение слова может быть доказано тем или иным способом (например, если в индоиранском имеются основа на согласный или корневое имя, к которым может восходить соответствующая *o*-основа, или если это слово образовано от вторичной глагольной основы), оно исключается из рассматриваемого материала. Однако если это не так, остановиться на каком-либо решении нередко бывает нелегко (ср. 2.1.3).

Прилагательные с *a*-основами часто обнаруживают тенденцию к окситонезе. Окситонированными являются прилагательные на *-ta*, *na-* и *-ma-*, большинство прилагательных на *-ra-* и *a-*. Однако обнаруживаются также баритонированные прилагательные на *na-*, *-va-* и даже на *-a-* и *ra-*, свидетельствующие о том, что указанная тенденция не всегда позволяет объяснить акцентное распределение. В связи с этим следует считать окситонезу продуктивной и рассматривать немногочисленные исключения как архаизмы. То же верно для субстантивированных прилагательных. Таким образом, окситонированные прилагательные исключаются из рассмотрения.

Выбор между баритонезой и окситонезой у основ на *tra-*, вероятнее всего, определяется семантическими критериями. Баритонированными являются слова, обозначающие инструмент или место, окситонированными — собственные имена, иногда имеющие конкретное значение.

Имена среднего рода не обнаруживают никакой категориальной акцентуации для *a*-основ.

2.1. Суффикс *-a-*.

2.1.0. Прежде чем перейти к изложению материала в соответствии с консонантной структурой, необходимо обсудить некоторые детали, связанные с суф. *-a-*, который по частотности намного превосходит все прочие суффиксы в «Ригведе». Ниже мы сначала рассмотрим отглагольные образования, затем изолированные производные на *-a-* и, наконец, отыменные образования.

2.1.1. Отглагольные образования. Акцентуация и.-е. отглагольного суф. **-o-* обычно описывается следующим правилом: имена действия, образованные с помощью этого суффикса, являются баритонированными, имена деятеля — окситонированными. Это так называемое «распределение *τόμος/τομός*» (ср. греч. *τόμος* «ломтик» vs. *τομός* «острый»), как правило, демонстрируется на примере минимальных пар из «Ригведы» типа *ēsa* «спешка» vs. *esá-* прил. «спешащий»; *śāka-* «помощь; могущество» vs. *śāká-* прил. «помогающий»; *śāsa-* «порядок» vs. *śāsá-* «правитель, хозяин» и т. д. Хотя эти факты кажутся убедительными, ситуация на самом деле сложнее, поскольку есть пары, состоящие из имени действия и имени деятеля, в которых оба члена окситонированы, ср. *ghaná-* «убийство» vs. *ghaná-* «оружие»; *vadhá-* «смерть» vs. *vadhá-* «оружие»; *vṛdhá-* «сила» vs. *vṛdhá-* «тот, кто усиливает»; *śāká-* (V, 12, 2) «могущество» vs. *śāká-* прил. «полезный»; *svāná-* «гул, шум» vs. *svāná-* прил. «грохочущий». Эти пары свидетельствуют о том, что предложенное правило акцентологического распределения должно быть пересмотрено.

Для начала обсудим некоторые терминологические проблемы. Я предлагаю определять имена деятеля как отглагольные существительные, значение которых может быть описано следующим образом: «тот, который + 3 л. ед. ч. глагола». По нашему определению, термин «имя деятеля» (*nomen agentis*) применяется только к обозначениям лиц и прилагательным, что важно для санскрита, где суф. *-a-* может иметь значение и имени действия, и имени деятеля, причем не существует надежных формальных критериев, позволяющих их разграничить. Фактически имена, обозначающие предметы и природные явления, так называемые *nomina concreta* (конкретные имена), допускают неединственную интерпретацию. *Nomina concreta* часто могут быть также описаны как «то, что + 3 л. ед. ч. глагола», хотя они и содержат суффикс имени действия. Например, нем. *Heizung* может быть описано как «то, что согревает», но его нельзя интерпретировать как имя деятеля, поскольку суф. *-ung* образует в немецком имена действия. Иначе обстоит дело в санскрите с суф. *-a-*, поскольку мы не можем а priori определить функцию санскритских *nomina concreta*, образованных с помощью этого суффикса. Именно по этой причине для предварительного формального анализа необходимо определить новую категорию для описания санскритских существительных на *-a-* — категорию *nomina concreta*.

Категория *nomina concreta* включает, таким образом, слова, в отношении которых мы не можем с уверенностью сказать на основе их значения, были ли они первоначально именами деятеля или именами действия. *Nomina concreta* обозначают неабстрактные фрагменты действительности: конкретные предметы (кнут, дрова, стойло), природные явления (поток, свет, дождь, грязь) и т. д. Даже слова, которые на первый взгляд кажутся именами действия (жилье, живое существо, войско), могут рассматриваться как *nomina concreta*, поскольку не исключено, что они восходят к древним именам деятеля. Это вполне вероятно, т. к. имена дея-

теля могут обнаруживать довольно неожиданные семантические сдвиги, ср. англ. *stretcher* «холст, натянутый на прямоугольную рамку». По той же причине я включаю в категорию *nomina concreta* «звуковые существительные» (*sound nouns*). Хотя агентивные суффиксы редко образуют такие существительные, мы находим в английском *laughter* «смех», звукоподражания *flicker* «дрожание», *slumber* «сон», *twitter* «щебет» и т. д. После этих предварительных замечаний можно обратиться к акцентуации суф. -а- в ведийском.

Имена деятеля всегда окситонированы, ср. *ajā-* муж. р. «возница, погонщик» (корень *aj-* «погонять»), *eśā-* прил. «спешащий» (*iṣ-*⁹ «приводить в движение»), *codā-* муж. р. «погонщик» (*cud-* «понукаать»), *tveśā-* прил. «стремительный» (*tviṣ-* «быть в возбуждении») и т. д. (39 примеров в «Ригведе») ¹⁰. Повсеместная и продуктивная окситонеза имен деятеля согласуется с их поздним происхождением. Как известно, корневые существительные были именами действия, выступая в качестве самостоятельных слов, и именами деятеля в тех случаях, когда они являлись вторыми компонентами сложных слов, ср.: *gr̥bh-* «сжатие, захват» vs. *syumag̥bh-* «тот, кто хватает узду». То же распределение предполагалось для производных на -а-. Это означает, что имена деятеля были извлечены из состава сложных слов [42, с. 97]. Сложные слова с ударным вторым компонентом в большинстве случаев имеют ударение на конечном слоге [41, с. 214], в связи с чем вторые компоненты сохранили окситонезу сложных слов и при самостоятельном употреблении. Этот процесс декомпозиции хорошо прослеживается в греческом, где почти для каждого имени деятеля на -о- обнаруживается сложное слово, содержащее это существительное в качестве второго компонента.

В отличие от имен деятеля, имена действия не имеют единообразной акцентуации. Баритонеза встречается часто (38 раз) и отличается большой продуктивностью (см. ниже), ср.: *āma-* муж. р. «насилие, страх» (корень *am-* «давить, причинять страдание»), *eśa-* муж. р. «спешка» (*iṣ-*⁹ «приводить в движение»), *kēta-* муж. р. «намерение» (*cit* «замечать»), *grābha-* муж. р. «прочно держащий» (*gr̥bh-*⁹ «хватать») и т. д., но зафиксировано также 16 окситонированных имен действия (ср. *ghaná-*, *vadhá-*, *vr̥dhá-*, *śāká-*, *svāná-*).

Другие отглагольные существительные на -а- являются *nomina concreta*. С учетом повсеместной окситонезы у имен деятеля представляется естественным рассматривать баритонированные *nomina concreta* как пер-

⁹ Надстрочным ⁹ помечены корни типа *se-*. — Примеч. перев.

¹⁰ Я нашел только четыре бесспорных контрпримера: (1) *mōgha-* «ошибочный» встречается только в качестве наречия *mōghat* «напрасно, ошибочно» (X, 165, 4 *mōghāt*) и аналогично наречиям *jōṣat*, *vārat* «по желанию»; (2) *dābha-* (V, 19, 4 *ādabhaḥ śās-vato dābhaḥ*, в прочих случаях это имя действия) относится к Агни и обычно переводится как имя деятеля, но может быть также именем действия, как в процитированном выше фрагменте: «хотя и неуязвимый, (он) — ущерб для каждого»; (3) *chānda-*, засвидетельствованное в аналогичных конструкциях (I, 92, 6 *śriyē chāndo nā smayate* и VIII, 7, 36 *chāndo nā śtro acriṣā*), переводится Гельднером «словно соблазнитель» («ослепительно улыбается она, словно соблазнитель» и «словно соблазнитель, солнце [улыбается] блеском (своих) лучей», что не бесспорно); (4) *drōgha-* — первый компонент сложного слова в тмезисе (VI, 62, 9 *drōghāya cid vācase ānavāya* «в потомка Анавы, чье слово обман(чиво)», ср. *droghavāc-* «тот, чье слово обман(чиво)» и авест. *draoγa-* «обман» [41, с. 288]) — является именем деятеля.

Другие слова, добавленные к приведенному выше перечню Н. Вакернагелем и А. Дебруннером [42, с. 100 и сл.] как исключения из правила об окситонезе имен деятеля (*kṣāya-* «жилище», *gōha-* «укрытие», *cōda-* «кнут», *vāra-* «сокровище» и *hāya-* «лошадь»), являются *nomina concreta* и первоначально могли быть именами действия.

воначальные имена действия. Ср., например, *ámśa-* муж. р. «часть» [*a(m)ś-* «добывать»], *édha* муж. р. «топливо» [*idh-* «зажигать(ся)»], *óha-* муж. р. «восхваление, хвалебная песнь» (*uh-* «хвалить»), *ksáya-* муж. р. «жилище» (*kṣi-* «жить»), *góha* муж. р. «укрытие, логово» (*guh-* «укрывать, прятать») и т. д. Окситонированные *nomina concreta* допускают двоякую интерпретацию: они могут быть образованы либо от имен действия, либо от имен деятеля, ср. *añká-* муж. р. «крюк» (*añs-* «сгибать»), *ará-* муж. р. «спица ко леса» [**ar-* (*arpáyati*) «фиксировать»], *ghaná-* муж. р. «оружие» (*han-* «сражать»), *plavá-* муж. р. «лодка» (*plu-* «плыть»), *bandhá-* муж. р. «узы» (*bandh-* «связывать») и т. д.

Таким образом, для имен с суф. *-a-* правило о распределении по типу *tómos/tomós* оказывается справедливым только в отношении имен деятеля, которые действительно всегда окситонированы в связи с тем, что происходят из второго компонента сложного слова. Для имен действия зафиксированы оба типа акцентуации: баритонеза встречается чаще (30 слов), но окситонеза тоже засвидетельствовано довольно хорошо (16 слов). Несмотря на то, что распределение типа *tómos/tomós* у отглагольных существительных на *-o*, по-видимому, восходит к позднему праинд.-е. состоянию (оно обнаруживается также в греческом и, до некоторой степени, в славянском [43]), частые исключения из этого правила в санскрите и греческом заставляют предположить, что в праиндоевропейском оно не было безусловным законом, а скорее носило характер тенденции, которая затем развивалась в отдельных языках. Чтобы объяснить происхождение этого распределения, можно реконструировать три праязыковые стадии:

I. Производные на *-a-* выступают в функции имен действия при самостоятельном употреблении и в функции имен деятеля *in fine compositi*. Вторые компоненты сложных слов (если они находятся под ударением) всегда окситонированы, самостоятельные слова могут быть либо баритонированными, либо окситонированными.

II. Декомпозиция: вторые компоненты сложных слов начинают использоваться в качестве самостоятельных слов и образуют новую категорию окситонированных имен деятеля, в результате чего возникает противопоставление между окситонированными именами деятеля, с одной стороны, и именами действия без единообразной акцентуации — с другой.

III. Имена действия обобщают баритонезу, противопоставляя ее окситонезу имен деятеля. Возникает распределение *tómos/tomós*.

Это означает, что только окситонированные имена действия, которые смогли противостоять давлению правила *tómos/tomós*, могут наследовать архаичную праиндоевропейскую акцентуацию и включаются в анализируемый ниже материал. Окситонированные имена деятеля и баритонированные имена действия имеют продуктивный тип ударения, определяемый на основе семантических критериев, которые не могут использоваться в нашем исследовании. Имена деятеля во всех случаях носят вторичный характер, тогда как имена действия допускают двоякую интерпретацию: баритонеза может оказаться старой, но может быть и поздней.

Можно показать, что правило *tómos/tomós* было продуктивным в санскрите и что «новые» имена действия всегда были баритонированными. Например, неэтимологическое *-h-* в *dóha-* (X, 42, 2) «доение» (заимствовано из презенса *duhé* корневого имени **dūh-*, *dohána-* «доение» и т. д.) свидетельствует о том, что это слово заменило более древнее *dógha-* (V, 15, 5), которое приобрело конкретное значение «поток молока, струя молока» и не могло использоваться в функции имени действия. Анало-

гично велярное -g- в *sārga-* «излияние» (вместо -j-) указывает на вторичный характер этого слова.

Далее, следующие пары могут быть объяснены, если предположить, что новые, баритонированные имена действия были образованы тогда, когда старые имена действия превратились в *nomina concreta*: *ārdha-* «место, сторона» vs. *ardhā-* «половина»; *grābha-* «прочно держащий» vs. *grābhā-* «захват»; *bhāga-* «процветание; бог распределения» vs. *bhāgā-* «доля»; *bhāra-* «переноска; добыча» vs. *bhārā-* «груз». Если справедлива интерпретация *ardhā-*, *grābhā-*, *bhāgā-* и *bhārā-* как первоначальных имен действия, то можно включить эти слова в анализируемый материал.

2.1.2. Изолированные производные на -a-. Теперь можно обратиться к изолированным производным на -a-, т. е. к тем словам, которым на синхронном уровне не соответствует никакой глагол. Необходимо различать слова, образованные от именных корней, и слова, образованные от глаголов, которые случайно оказались незасвидетельствованными в санскрите. Поскольку распределение *τόμος/τομός* относится к и.-е. периоду, следует проверить для каждого слова, образовано ли оно от глагола, который существовал в праиндоевропейском, но исчез в индоиранском, или нет. Например, изолированное в санскрите *vāja-* муж. р. «сила: скорость», по-видимому, является и.-е. отглагольным образованием (оно, вероятно, связано либо с лат. *vegere*, либо с греч. *ἄγνυμι*).

Другая проблема связана с влиянием правила *τόμος/τομός* на именные дериваты. Так, именные прилагательные с *o*-ступенью являются главным образом окситонированными (ср.: *aghā-* «плохой», *andhā-* «слепой», *āmā-* «сырой», *ārā-* «далекий», *śrāmā-* «хромой»), а прилагательные с *e*-ступенью корня сохраняют свою акцентуацию (ср. *nāva-* «новый», *śāma-* «безрогий», *sāna-* «старый»). Окситонеза именных прилагательных с *o*-ступенью корня может объясняться влиянием отглагольных прилагательных (имен деятеля), которые всегда являются окситонированными.

2.1.3. Отыменные производные на -a-. Наконец, я хотел бы сделать несколько замечаний об отыменных образованиях. Производные на -a- иногда представляют собой тематизованные корневые имена. Если в санскрите зафиксировано и корневое имя, и производное на -a- (ср.: *dāma-* и *dām-* «дом», *pāda-* и *pād-* «нога» и т. д.), производное на -a-, очевидно, является вторичным санскритским образованием и, следовательно, исключается из рассмотрения. Если корневое имя засвидетельствовано в иранском (ср. скр. *himā-* «снег» vs. авест. *zyā* «зима», скр. *viśā-* «яд» vs. авест. *viš-* тж. и т. д.), в равной мере представляется целесообразным не рассматривать производное на -a-. Кроме того, следует предположить исходное корневое имя для скр. *ākṣa-* муж. р. «ось» < **H₂eks-(o)*-, о чем свидетельствуют различные типы основ в других языках (ср. греч. *ἄξω*, лат. *axis*, литов. *ašis*, ст.-сл. *ось*, др.-в.-н. *aḥsa* тж. и т. д.) и скр. *rāsa-* «сок, эссенция» < **Hros-o-* (ср. лат. *rōs* «роса», скр. *rasā-* «жидкость»).

Кроме того, *śaśā-* (< **śasa-*) муж. р. «заяц» < **kH₁-es-o-* и *śasā-* муж., ср. р. «засеянное поле» < **sH₁-es-o-* являются поздними тематизациями основ на -s- [17]. Такое же происхождение можно предположить для *dākṣa-* прил. «способный, действенный», муж. р. «способность» (ср. лат. *decus* ср. р. «украшение», др.-ирл. *dech* «самый лучший»).

Однако с некоторыми случаями связаны более серьезные затруднения. Так, *padā-* «шаг» образовано от слова со значением «нога», но это образование относится к праи.-е. периоду, о чем свидетельствует греч. *πέδον* «почва», хет. *pedan* «место» и т. д. Я включаю такие слова в анализируе-

мый материал, т. к. они наследуют архаичную праинд.-е. акцентуацию.

2.2. Категория 1. Корни без смычных.

В а р у т о н а: *ámsa-* муж. р. «плечо» < **Homs-o-*; *ár̥ṇa-* прил. «вздымающийся», муж., ср. р. «волна» < **H₃e/or-no-*; *ásta-* ср. р. «дом» < **H₁es-to-* [44]; *áma-* муж. р. «помощник» < **H₂uH₁-mo-*; *éta-* прил. «разноцветный» < **H₂ei-to-*; *éva-* прил. «быстрый», муж. р. «бег, путь» < **H₁ei-uo-*; *náva-* прил. «новый» < **neu-o-* (ср. греч. νέος и слав. **nъvъ* (а.п. b) тж. [21, § 55]); *márta-* муж. р. «человек, смертный» < **me/or-to-*; *mála-* ср. р. «грязная одежда *mūni* (аскета)» < **me/olH₂-o-*; *yáva-* муж. р. «зерно, пшеница» < **Hieu-o-* [45], ср. литов. *jāvai* (а.п. 2) мн. ч. «зерно» [21, § 9]); *yáma-* муж. р. «ход, судно» < **H₁ie/oH₂-mo-*; *vára₁-* муж. р. «про странство» < **H₁uorH-o-* (в *vára ā pṛthivyāh* «в лучшем месте земли»); *vár̥na-* муж. р. «цвет» < **ue/ol-no-*; *vára-* муж. р. «волосы конского хвоста» < **uo/ol-o-* (ср. литов. *vālas* (а.п. 2) «конский волос» [21, § 44]); *vrāta-* муж. р. «толпа, стая» < **ureH₁-to-*; *sána-* прил. «старый» < **sen-o-* (ср. греч. ἔνος и литов. *sėnas* (а.п. 2) тж.); *sárma-* муж. р. «движение, течение» < **se/ol-mo-*; *sárva-* прил. «весь» < **se/ol-uo-* (ср. греч. ὅλος тж.); *sōma-* муж. р. «растение сома; бог Сомы» < **se/ou-mo-*; *srāma-* муж. р. «хромота» < **srom-o-*.

О х у т о н а: *uṣnā-* прил. «горячий» < *H₁us-no-*; *ṛṇā-* прил. «виновный», ср. р. «долг» < **H₂r-no-*; *ṛtā-* прил. «правильный, истинный», муж. р. «истина» < **H₂r-to-*; *ṛṣvā-* прил. «высокий» < **H₃rs-uo-*; *mesā-* муж. р. «баран» < **mois-o-* (ср. литов. *maišas* (а.п. 4) «мешок» [21, § 10], однако герм. **mēisaz* (др.-исл. *meiss* «сетка») указывает на баритонезу); *yamā-* муж. р. «близнец» < **imH-o-* (такая реконструкция позволяет объяснить вокализм лтш. *jūmis* «пара»; лат. *geminus* «близнец» также может иметь нулевую ступень корня, но др.-ирл. *emol* тж. свидетельствует об *e*-ступени); *rāmā-* муж., ср. р. «тьма» < **HreH₁-mo-* (если оно связано с др.-в.-н. *rāmac* «грязный» и т. д.); *vasnā-* ср. р. «цена» < **uos-no-* (ср., однако, греч. ὄνος тж.); *vīrā-* муж. р. «муж» < **uiH-ro-*; *savā₂-* муж. р. «приведение в движение» < **souH₁-o-* (ср. 2.1.1) ¹¹.

Распределение, очевидно, зависит от ступени чередования корня. Слова с полной ступенью корня баритонированы (19 : 4), слова с нулевой ступенью корня окситонированы (6 : 1). Я не в состоянии объяснить исключения (*āma-*; *mesā-*; *savā₂-*, *vāsnā-* и *rāmā-*), но отмечу, что параллели к *mesā-* и *vasnā-* вызывают на баритонезу.

2.3. Категория 2. Корни с одним смычным без начального ларингала.

А. Дериваты со смежным смычным.

В а р у т о н а: *kāma-* муж. р. «желание, страсть» < **ke/oH₂-mo-*; *kṛṣṇa-* муж. р. «черная антилопа», *kṛṣṇā-* прил. «черный» < **k^wrs-no-* [с учетом слав. ѣрънъ (а.п. b) тж. баритонеза представляется исходной, в то время как прилагательные следуют продуктивной модели]; *kṛēma-* муж. р. «мир, покой» < **tke/oi-mo-*; *tūma-* прил. «сильный» < **tum-ro-*; *tṛṇa-* ср. р. «трава» < **tr-no-* (ср. слав. **tъrnъ* (а.п. b) «шиш» [21, § 49]); *pūrva-* прил. «первый» < **prH-uo-*; *phēna-* муж. р. «пена» < *(s)*pHoi-no-* ¹²;

¹¹ *Savā₁-* муж. р. «жертвоприношение Сомы» встречается только с числительными *satām* «сто» и *sahāśrat* «тысяча» и, скорее всего, является компонентом сложного слова в тмезисе, ср. *sahasrasāvā-* «тысячекратное жертвоприношение Сомы» [33, с. 174].

¹² Акутовая интонация в литов. *spūnė* «пена на волнах» и слав. *(s)*pēna* «пена» предполагает реконструкцию *(s)*proHi-n-*, в то время как скр. *ph-* и иран. **f-* (н.-перс. *fīnak* «пена на волнах», осет. иронск. *fynk*, дигорск. *finkæ* «пена» допускают двоякую интерпретацию, поскольку осет. *f* может отражать иран. **p*) свидетельствуют о начальном **pH-*. Это предполагает исходную основу на -*n-* с чередованием по аблауту в корне.

bhāta- муж. р. «свет, блеск» < **b^he/oH₂-mo-*; *vākva*- прил. «вращающийся» < **unk-uo-*; *vāja*- муж. р. «дубинка-молния (Индры)» < **ue/oH₂ġ-ro-*. если допустить связь с греч. ἄγνυμι «сражать» (ср. 1.1.5) или < **H₂ue/oġro-*, если сопоставлять с лат. *vegēre*; *vīpra*- прил. «дрожжащий», муж. р. «поэт» < **uip-ro-*; *viśva*- прил. «весь, целый» < **uik-uo-*; *vṛka*- муж. р. «волк» < **uik^w-o-* [ср. греч. λύκος и гот. *wulfs*; окситонеза, засвидетельствованная в слав. **volkъ* (а.п.с), допускает двоякую интерпретацию [21, § 44]]; *śāta*- прил. «безрогий» < **kemH₂-o-*; *śārīra*-; ср. р. «скелет, тело» < **ke^orH₂-ro-*; *śāvīra*- прил. «могущественный» < **ke^ouH₁-ro-*; *śūṣṇa*- муж. р. «имя демона» < **kue/os-no-* [следует учитывать, что санскритские имена демонов часто являются персонифицированными существительными: ср. *vṛtrā* «преграда», *valā* «пещера» и т. д. (с той же акцентуацией); я включаю это слово в свой материал; исходным значением было, вероятно, «шипение», ср. пушту *šūṇ* муж. р. тж.]; *śūṣṭa*- муж. р. «шипение» < **kus-mo-*; *śāna*- ср. р. «пустота, отсутствие» < **kuH-no-*; *śūla*- муж./ср. р. «копье» < **kuH-lo-*; *śūra*- муж. р. «герой, воин» < **kuH₁-ro-*; *śēva*- прил. «дорогой, близкий» < **keiH-uo-* (о ларингале свидетельствует плавный тон в лтш. *siēva* «жена», одновременно подтверждающий баритонезу); *śōṇa*- прил. «красный, алый» < *(*s*)*ke/ou-no-* [-*n*-вторично; **sona*- образовано от нераспространенного корня *(*s*)*keu-*, который содержится в составе корней *śuc-*, *śubh-* и *śu(n)dh-*]; *stāna*- ср. р. «женская грудь, сосок» < **psten-o-*; *stōma*- муж. р. «восхваление» < **ste/ou-mo-*; *sthāvira*- прил. «толстый, старый» < **st(H)ouH-ro-*; *svāpna*- «сон» < **sue/op-no-* [ср. литов. *sāpnas* (первоначально — а. п. 2 [21, § 9] («сон»; греч. ὕπνος «сон» и слав. *сънъ* «сон» (а.п. б) имеют нулевую ступень корня, но также указывают на баритонезу)].

О х у т о п а: *abhṛā*- ср. р. «туча» < **nb^h-ro-*; *ghanā*- муж. р. «сражающий» < **g^{wh}on-o-* (см. 2.1.4); *gharmā*- муж. р. «жар» < **g^{wh}or-mo-* (ср. греч. θερμός прил. «теплый»); *ghṛṇā*- ср. р. «жар» < **g^{wh}r-no-* (ср. слав. **g^{wh}rnd* (а.п. б) [21, § 49]); *jīvā*- прил. «живущий, живой» < **g^wH₃i-uo-* ([42, 43], лтш. *dziivs*, лит. *gývas* (а. п. 3). слав. **živъ*, *živā* (а.п. с) тж. указывают на такую же акцентуацию; *jesā*- муж. р. «победа» < **g^wei-so-*; *darmā*- муж. р. «разрушитель» < **de/or(H)-mo-*; *dānā*- муж. р. «дар» < **de/oH₃-no-*; *dānā*- муж. р. «(жертвенная) пища» < **de/oH₂-no-*; *dūtā*- муж. р. «посланник» < **duH₂-to-*; *dhūmā*- муж. р. «дым» < **d^huH-mo-* (ср. греч. θῆμος «дух»); *nagnā*- прил. «нагой» < **nog^w-no-* (ср. греч. γυμνός тж.); *bhaya*- ср. р. «страх» < **b^hoiH-o-* (см. 2.1.1); *bhārā*- муж. р. «груз» < **b^hor-o-* (см. 2.1.1); *dhṛmā*- муж. р. «заблуждение» < **b^hrm-o-* (см. 2.1.1); *mṛdhrā*- ср. р. «враждебность» < **mld-ro-*; *yajñā*- муж. р. «почитание, жертвоприношение» < **ie/oH₂ġ-no-* (см. 1.1.5, ср. греч. ἄγνός «священный»); *yudhmā*- муж. р. «воин» < **iud^h-mo-*; *ripā*- ср. р. «грязь». < **lip-ro-*; *rukṁā*- муж. р. «золотое украшение» < **luk-mo-*; *vadhā*- муж. р. «(насильственная) смерть» < **uod^h(H)-o-* (см. 2.1.1); *vṛdhā*- муж./ср. р. «усиление» (VIII, 83, 6) < **uord^h-o-* (см. 2.1.1); *sādā*- муж. р. «верховая езда» < **sod-o-* (см. 2.1.1); *stenā*- муж. р. «вор, грабитель» < *(*s*)*te/oH₂i-no-*.

В отличие от предыдущей категории, ступень чередования корня не играет здесь никакой роли. Мы находим 12 окситонизированных слов с полной ступенью корня (vs. 14 баритонизированных) и 12 баритонизированных слов с нулевой ступенью корня (vs. 12 окситонизированных). Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что распределение в категории 2А зависит от типа смычного. Слова с *T* в корне баритонизованы (26 : 3), слова с *D* и *D^h*

в корне окситонированы (0 : 0 и 1 : 1 соответственно). Исключения — *bhāma-*, *stēdā-*, *rukṁā-*, *riprā-*. Последние два слова могут быть отыменного происхождения: *riprā-*, возможно, является тематизацией основы на *-r/n-*, относительно *rukṁā-* см. [48]. Начальное *s-* (*stōma-*, *sthāvira-*), *s-mobile* (*śōṇa-*, *phēna-*) и начальная группа согласных (*kṣēma-*, *stāna-*) не оказывают никакого влияния на акцентуацию. Как и в случае с основами на *-i-* и *-u-* (ср. 1.3), ларингалы, по-видимому, не препятствуют структурной смежности смычных со слоговым ядром. Соответственно слова *jīvā-*, *yajñā-*, *sthāvira-*, *phēna-* рассматриваются в пункте А. Установленное распределение делает вероятной принадлежность к категории 3А слова *vājra-*, допускающего две конкурирующие этимологии (**ueH₂gro-* и **H₂uegro-*).

В. Дериваты с несмежным смычным.

Вагytonа: *grāma-* муж. р. «войско, община» < **grom-o-*; *rāndhira-* ср. р. «ляжка, крестец, поясница» < **lendʰ-ro-* [49]; *ślōka-* муж. р. «восхваление» < **kle'ou-ko-*.

Охутона: *kṣurā-* муж. р. «бритва» < **kʷsu-ro* (ср. греч. *ξυρόν* тж.), *dhrubā-* прил. «твердый, фиксированный» < **dʰruH-o-*; *śyāvā-* прил. «темно-коричневый» < **kieH₁-uo-*; *śronā-* прил. «хромой» < **klou-no-*.

Акцентное распределение, по-видимому, зависит от ступени чередования корня. Исключения: *śro-ṇā* и *śyā-vā-*.

2.4. Категория 3. Корни с одним смычным и с начальным ларингалом

А. Дериваты со смежным смычным.

Вагytonа: *āgra-* ср. р. «вершина» < **H₂eg-ro-*; *ājma-* муж. р. «путь, колея» < **H₂ōg-mo-* (ср. греч. *ὄμος* тж.); *ājra-* муж. р. «поле» < **H₂ēg-ro-* (но ср. греч. *ἀγρός* тж.); *ānna-* ср. р. «еда» < **H₁elod-no-*; *āśna-* прил. «прожорливый» < **H₁elokH-no-*; *āśva-* муж. р. «лошадь» < **H₁ēk-uo-* [ср. герм. **ēhwaz* тж. (др.-англ. *eoh*, др.-исл. *jör*) и греч. *ἵππος*, которое, возможно, сохранило первоначальную акцентуацию несмотря на нерегулярный анлаут]; *ḥkṣa-* муж. р. «медведь» < **H₂rt-ko-* (ср. греч. *ἄρκτος*)¹³.

Охутона: *akrā-* муж. р. «лошадь» < **H₂nk-ro-* [34, с. 43]; *ajā-* муж. р. «козел» < **H₂ēg-o-*; *idhmā-* муж. р. «топливо» < **H₂idʰ-mo-*; *ūrdhvā-* прил. «высокий» < **H₃rdʰ-uo-* (эта реконструкция объясняет авест. *ərəδβa-*, греч. *ὀρθός* «прямой» и, вероятно, лат. *arduius* и др.-ирл. *ard* «высокий»; в таком случае для санскрита следует предположить вторичное изменение в анлауте); *ṛkvā-* прил. «восхваляющий» < **H₁rkʷ-uo-*.

Здесь ступень чередования корня также, по-видимому, является решающим фактором: полная ступень корня ударна (6 : 1), нулевая ступень безударна (4 : 1). Исключения: *ḥkṣa-* и *ajā-*. Относительно *vājra-* ср. в комментариях к категории 2А.

В. Дериваты с несмежным смычным.

Вагytonа: *ānta-* муж. р. «предел, граница» < **H₂ent-o-* (вероятно, отыменное образование от **H₂ent-*, ср. хет. *ḥant-* «перёд», но относящееся к общи.-е. периоду); *ārbha-* прил. «маленький, молодой» < **H₃elorbʰ-o-*.

Охутона: *ardhā-* муж. р. «половина» < **H₂erdʰ-o-* (ср. 2.1.1); *meghā-*, муж. р. «облако» < **H₃meigh-o-* (ср. литов. *miėgas* (а.п. 4) «сон»

¹³ Скорее всего, это слово содержит суф. *-k(o)-*, встречающийся в названиях животных, ср. праи.-е. **H₁elol-k(i)-*, **H₁l-k(i)-* (др.-в.-н. *ēlho*, русск. *лось*, скр. *īśya-* «самец антилопы») vs. **H₁el-n-* (греч. *ἐλαφος*, *ἐλλός*; ст.-сл. *елень* «олень» и т. д.). В таком случае это слово является отыменным образованием с суф. *-ko-*, однако его возникновение относится к праи.-е. периоду.

[21, § 10]; если литовский глагол *už-mìgti* «заснуть» не является вторичным, то *meghā-* — отглагольное существительное).

Данные немногочисленны, однако материал основ на *-i-* и *-u-* свидетельствует о том, что в этой категории релевантной, по-видимому, является смежность ларингала. Если ларингал является смежным со слоговым ядром, соответствующее слово баритонировано, если нет — окситонировано. Слово *ardhā-* — исключение.

2.5. Категория 4. Корни с двумя смычными.

А. Дериваты с двумя смежными смычными.

T ... T

Вагytona: *šāpa-* муж. р. «плот, сплавляемый лес» < **kop-o-* (ср. литов. *šāpas* (а.п. 2) «солома» [21, 9]; если сопоставление с литов. глаголом *šāpti* «исчезать» корректно, то *šāpa-* — отглагольное существительное).

Охytona: *takvā-* прил. «быстрый» < **tek^w-uo-* (ср. герм. **pegwāz* > **pewaz* в гот. *piwōs* им. пад. мн. ч. «раб» и т. д.); *pakvā-* прил. «сваренный, зрелый» < **pek^w-uo-*; *putrā-* муж. р. «сын, ребенок» < **put-lo-*; *šaphā-* муж. р. «копыто, коготь» < **kopH-o-* (в германском зафиксирована продленная ступень корня, ср. др.-исл. *hōfr*, др.-в.-н. *huof* тж.); *šākā-* муж. р. «могущество» < **kōk^(w)-o-* (см. 2.1.1).

В этой группе вероятна окситонеза (5 : 1). Единственное исключение — *šāpa-* — может быть отглагольным именем действия; в этом случае его баритонеза носит продуктивный характер (см. s.v.).

(s)*T...D*

Охytona: *pakšā-* муж. р. «крыло, сторона» < **peH₂g^h-so-* (ср. 1.1.5); *padā-*, ср. р. «шаг ноги» < **ped-o-* (ср. 2.1.3). Здесь также вероятна окситонеза (2 : 0).

D...D^h

Вагytona: *gṛtsa-* прил. «умный» < **g^{w(h)}ld^h-so-*; *gṛdhra-* муж. р. «коршун» < **g^(w)elold^h-ro-*.

Охytona: *dīrghā-* прил. «долгий» < **dlH₁g^h-o-*.

D^h...D

Охytona: *bhakšā-* муж. р. «еда, питье» < **b^heH₂g^h-so-* (ср. 1.1.5); *bhāgā-* муж. р. «доля» < **b^hoH₂g-o-* (см. 1.1.5, 2.1.1); *bhūrjā-* муж. р. «береза» < **b^hrH₂g^h-o-*.

D^h...D^h

Охytona: *grbhā-* муж. р. «удерживание» < **g^hrb^hH-o-* (см. 2.1.1); *grhā-* муж. р. «дом» < **g^hrd^h-o-* (скр. *g-*, вероятно, возникло по закону Вайзе [40], поскольку литов. *žardas*, русск. диал. *зород* «стог, огороженное место для стога», свидетельствуют о первоначальном палатальном в этом корне); *bādhā-* муж. р. «бедствие» < **b^hod^h-o-* (санскритский глагол обобщил продленную ступень); *budhnā-* муж. р. «дно» < **b^hud^h-no-*.

Материал этих групп сам по себе недостаточен для установления распределения, но, поскольку *D* и *D^h* влияют на акцентный тип совершенно аналогичным образом (ср. категорию 2А), последние три группы можно объединить в одну. В этом случае вероятна окситонеза (8 : 2).

В. Дериваты с одним смежным смычным.

Вагytona: *gārbha-* муж. р. «зародыш, матка» < **g^worb^h-o-*; *śvītna-* прил. «беловатый» < **kuit-no-*; *śvābhra-* ср. р. «яма» < *(s)*kue/ob^h-ro-*.

Охytona: *grābhā-* муж. р. «захват (руки)» < **g^hrob^hH-o-* (ср. 2.1.1); *tyāgā-* муж. р. «опасность» < **tiog^w-o-* (ср. 2.1.1); *drapsā₋₁* муж. р. «капля» < **d^hreb^h-so-*; *drapsā₋₂* муж. р. «флаг, знамя» < **drep-so-*.

Материал недостаточен для установления распределения.

3. Выводы.

3.1. Настоящая работа посвящена проблеме непредсказуемого характера и.е. именной акцентуации. Как было показано во Введении, единственный подход, претендующий на объяснение акцентуации каждого отдельного слова, — это тональная теория В. А. Дыбо. В рамках этой теории акцентуация слова определяется просодическими характеристиками составляющих его морфем. Поскольку имеются доказательства существования в и.е. праязыке тонов (см. 0.2), можно предположить, что этими просодическими характеристиками как раз и были тоны. Чтобы доказать общеиндоевропейский характер тональных оппозиций, я исследовал ведийское первичное именное словообразование. Согласно тональной теории, все морфемы могут быть разбиты на просодические классы таким образом, что место ударения выводится по общим фонологическим правилам. Если эта теория верна, можно ожидать, что корни и суффиксы со сходными консонантными структурами будут принадлежать к одному и тому же просодическому классу.

Имена с надежной и.е. этимологией (т. е. засвидетельствованные в отдельных языках) и акцентуацией немногочисленны. В связи с этим я проанализировал акцентные модели ведийского первичного именного словообразования, исходя из предположения о том, что эти модели восходят в праиндоевропейскому.

3.2. Результаты нашего исследования могут быть суммированы следующим образом:

(1) Материал основ на *-i-*, *-n-* и на ларингал недостаточен для того, чтобы сделать какие-либо выводы о праиндоевропейском акцентном распределении. Таким образом, мы можем опираться только на *-i-*, *-u-* и *-a-* основы.

(2) Слова, содержащие суффиксы на *-i-* и *-u-*, подчиняются сходным правилам акцентного распределения корневых морфем; то же справедливо для слов, содержащих суффиксы на *-a-*. Это означает, что все суффиксы на *-i-* и *-u-* принадлежат к одному просодическому классу, а все суффиксы на *-a-* — к другому.

(3) Основы на *-i-* и *-u-*, образованные от корней с конечным или средним ларингалом, всегда окситонированы благодаря передвижению ударения в индоиранском (см. 1.1.1 и сл.). Таким образом, эти слова не наследуют праиндоевропейскую акцентуацию.

(4) Просодический класс корневых морфем определяется их консонантной структурой. По всей видимости, главная демаркационная линия проходит между смычными и всеми остальными согласными: смычные оказывают воздействие на акцентуацию, а все остальные согласные — нет. Просодическое воздействие *D* аналогично воздействию *D^h*, но отлично от воздействия *T*.

(5) Между структурой корня и акцентуацией существует следующая зависимость:

— Если корень не содержит смычных или смычный не является смежным со слоговым ядром, акцентуация определяется степенью чередования корня: полная ступень ударна, нулевая — безударна. То же, по-видимому, справедливо и для тех случаев, когда воздействию смычных препятствует начальный ларингал. Отсюда следует, что общепринятая «морфологическая» теория праиндоевропейской акцентуации (ср. 0.1) отчасти соответствует нашему правилу распределения.

— Если корень содержит смычный, смежный со слоговым ядром ак-

центуация определяется типом смычного: корень находится под ударением, если смычный является глухим (*T*) и суффикс оканчивается на *-o-*, а также если смычный является звонким (*D/D^h*) и суффикс оканчивается на *-i-* или *-u-*; в противном случае корень безударен. Существенно, что ступень чередования корня, содержащего смежный смычный, не оказывает никакого влияния на акцентуацию.

3.3. Поскольку факты греческого и германского в основном подтверждают зафиксированную в санскрите корреляцию между структурой корня и акцентуацией имени [1, с. 120 и сл.], описанная корреляция должна относиться к общеприндоевропейскому состоянию, из чего следует, что в праиндоевропейском акцентуация имени могла быть предсказана на основании просодических характеристик корня и суффикса. Просодический класс корня определялся его консонантной структурой; просодический класс суффикса определялся типом основы (на *-i/-u-* vs. *-o-*). Из предыдущего раздела явствует, что существует четыре просодических класса корневых морфем и два просодических класса суффиксальных морфем:

		Основы на <i>-i-</i> и <i>-u-</i>	Основы на <i>-o-</i>
(a)	I. Нулевая ступень (Кат. 1, 3A)	безударны	безударны
	II. Полная ступень (Кат. 1, 3A)	ударны	ударны
	III. <i>T</i> -корни (Кат. 2A)	безударны	ударны
	IV. <i>D^(h)</i> -корни (Кат. 2A)	ударны	безударны

Интерпретации просодических классов, которая будет обсуждаться ниже, в некоторых отношениях неясна, однако, с моей точки зрения, само по себе существование просодических классов и факт влияния смычных на акцентуацию достаточны для доказательства тонового характера и.е. праязыка. По-видимому, невозможно последовательно описать все эти факты, не предполагая, что на некоторой стадии развития праиндоевропейский был тоновым языком.

3.4. Каковы были фонетические свойства просодических классов [см. табл. (a)]? Как было указано во Введении, данные, подтверждающие гипотезу о тоновых оппозициях в праиндоевропейском, делают правдоподобным предположение о двух уровнях высоты тона — высоком (H) и низком (L). С типологической точки зрения можно ожидать, что высокий тон будет коррелировать с глухими согласными, а низкий — со звонкими [8, с. 229]. В связи с этим естественно было бы предположить, что класс III на таблице (a) относится к типу H, а класс IV — к типу L. Более того, поскольку полная ступень (класс II) всегда ударна, а нулевая (класс I) — всегда безударна, следует сделать вывод, что класс II относится к типу H, а класс I — к типу L.

Что касается суффиксальных морфем, я предполагаю, что суффиксы основ на *-o-* относятся к типу H, поскольку они представлены полной ступенью. Праи.-е. основы на *-i-* и *-u-* характеризуются чередованием по аблауту в окончаниях, так что суффикс может относиться либо к типу H, либо к типу L (согласный суффикса, по-видимому, не оказывает на это никакого влияния; относительно возможных объяснений этого факта см. примеч. 14). Заполняя предложенными тональными характеристиками таблицу (a), получаем следующую картину:

		-i/-и-основы (Н)	-о-основы (Н)
		(Н : L)	
(b)	I. Нулевая ступень (L)	LH : LL	LH
	II. Полная ступень (H)	HH : HL	HH
	III. Т-корни (H)	HH : HL	HH
	IV. D ^(h) -корни (L)	LH : LL	LH

Если применить правило Дыбо о приписывании ударения (ударение приписывается первой Н-морфеме слова или, если в слове нет ни одной Н-морфемы, — начальной L-морфеме; ср. 0.1), можно ожидать следующую акцентуацию:

		-i/-и-основы (Н)	-о-основы (Н)
		(H : L)	
(c)	I. Нулевая ступень (L)	LḢ : LL	LḢ
	II. Полная ступень (H)	ḢH : ḢL	ḢH
	III. Т-корни (H)	ḢH : ḢL	ḢH
	IV. D ^(h) -корни (L)	LḢ : LL	LḢ

Если теперь сопоставить с таблицей (c) реально засвидетельствованную акцентуацию, представленную в таблице (a), обнаружится, что для о-основ предсказание оказывается верным: морфемы классов I и IV действительно безударны, а морфемы классов II и III — ударны.

С основами на -i- и -и- дело обстоит сложнее. Акцентуация классов I и II объяснима: большинство основ на -i- и -и- относились в праиндоевропейском к подвижному типу и имели только одну полную ступень чередования в словоформе (см. следующий раздел) — либо в корне (ḢL), либо в окончании (LḢ). Если одна из ступеней чередования была обобщена на всю парадигму (так в большинстве случаев и происходило в отдельных языках), то ее акцентуация также обобщалась.

Проблемы возникают, однако, в связи с акцентуацией классов III и IV. Для класса IV приходится предположить, что обобщена была акцентуация падежей с нулевой ступенью окончания (например, номинатива и аккузатива протеродинамического словоизменительного типа). Что же касается морфем класса III, то можно было бы ожидать, что они всегда будут безударными. Однако в действительности все обстоит как раз наоборот. Такая акцентуация неправдоподобна с фонетической точки зрения, что заставляет в данном случае искать морфологическое объяснение. Особую акцентуацию класса III можно связать с утратой статического словоизменительного типа. Прежде чем перейти к обсуждению этого вопроса, следует вкратце обсудить праин.-е. чередование по аблауту и словоизменительные типы.

3.5. В праиндоевропейском зафиксировано два типа аблаута: *e*, *o/ø* и *e/o*, что, вероятно, было связано с ударением. Эти два различных результата воздействия ударения считались взаимоисключающими, но недавно Бекус предложил рассматривать их как две различные хронологические стадии [51, с. 156 и сл.]. После редукации гласных под воздействием ударения были введены новые полные ступени, которые затем изменились в *o*. Бекус реконструирует три стадии фонетических изменений, связанных с ударением: AI, когда все безударные гласные редуцировались до нуля; AII, когда введенный по аналогии безударный гласный превратился в *o*;

АIII, когда акцентная редукция перестала действовать и в безударной позиции стала возможна любая гласная:

(d)	AI	é, ó — ∅	нулевая стадия
	AII	é, ó — o	o-стадия (возможно безударное o)
	AIII	é, ó — e, o	e-стадия (возможно также безударное e)

В той же своей работе Бекес приходит к следующему выводу: все засвидетельствованные и.-е. словоизменительные типы восходят к статическому и подвижному типам [51, с. 202]. В статическом типе ударение было фиксировано на корне; в подвижном типе в некоторых формах ударение падало на корень, а в некоторых — на окончание. Релевантными для решения нашей задачи являются номинатив, генитив, датив и локатив. Указанные два типа могут быть представлены следующим образом (см. [51, с. 207] о типе IV):

(e)	Статический тип		Динамический тип	
	Ном.	CéC-u-s	CéC-u-s	
	Ген.	CéC-u-s	CC-u-ós	
	Дат.	CéC-u-i	CC-u-éi	
	Лок.	CéC-u-i	CC-éu-i	

Недостатком статического типа было формальное совпадение номинатива и генитива — с одной стороны, и датива и локатива — с другой. Очевидно, в связи с этим весь тип был утрачен.

3.6. Теперь можно обратиться к тонам [в этом разделе я буду обозначать через $\acute{a}$ гласный с высоким тоном и через $\grave{a}$ — гласный с низким тоном; место ударения будет указываться вертикальной чертой ($\acute{a}$)]. Согласно Кортландту, в праиндоевропейском существовала система тонов двух уровней — высокого и низкого — и только два типа смычных: глухие (T) и глоттализированные ($T' = D$) [6]. На определенной стадии развития глухие смычные превратились в звонкие придыхательные в соседстве с низким тоном ($\dot{T} > \dot{D}^h$) и остались глухими в прочих случаях. Эта теория позволяет объяснить праи.-е. ограничения на структуру корня, а именно то, что T и D^h не встречаются одновременно в пределах одного корня ($TV\dot{T} > TV\dot{T}$; $T\dot{V}\dot{T} > D^h\dot{V}\dot{D}^h$), а также двойное маркирование праи.-е. звонких придыхательных. Поскольку глоттализированные имеют те же прогонические характеристики, что и D^h , следует предположить, что они образовывали корреляцию с низким тоном. Обозначая через T морфемы, содержащие глухие смычные, через D — морфемы, содержащие звонкие придыхательные и глоттализированные, через R — морфемы, состоящие из сонантов, ларингалов или s , можно представить существовавшее на этой стадии соответствие между консонантными типами и тонами следующим образом: $\dot{T}$, $\dot{D}$, $\dot{R}$ и $\dot{R}$, т. е. T имело высокий тон, D — низкий, R могло иметь либо высокий, либо низкий тон.

Реконструкция системы тонов для раннеиндоевропейского праязыка позволяет объяснить возникновение чередования по аблауту и подвижный характер ударения. В системе тонов двух уровней существует четыре возможных комбинации из двух морфем: $\dot{N}\dot{N}$, $\dot{N}\dot{L}$, $\dot{L}\dot{N}$ и $\dot{L}\dot{L}$. В соответствии с правилом Дыбо можно ожидать, что ударение будет расставляться следующим образом: $\dot{N}\dot{N}$, $\dot{N}\dot{L}$, $\dot{L}\dot{N}$, $\dot{L}\dot{L}$. Допуская теперь, что безударные гласные редуцировались до нуля [стадия AI, см. табл. (d)], а ударные гласные

превращались в *e* или *o* (Кортландт полагает, что $\dot{e}$ переходило в *e* в открытом слоге и в *o* — в закрытом, устное сообщение), можно объяснить праи.-е. аблаут следующим образом.

$$(f) \quad \begin{array}{l} H - H = \dot{e} - \dot{e} > \dot{e} - \dot{e} > e, o - \theta \\ H - L = \dot{e} - \dot{e} > \dot{e} - \dot{e} > e, o - \theta \\ L - H = \dot{e} - \dot{e} > \dot{e} - \dot{e} > \theta - e, o \\ L - L = \dot{e} - \dot{e} > \dot{e} - \dot{e} > e, o - \theta \end{array}$$

Такой подход позволяет свести два словоизменительных типа — статический и динамический — к одному: слова с высоким тоном в корне образовывали статическую парадигму, а слова с низким тоном в корне — динамическую, ср. например:

	Статический тип	Динамический тип
Ном.	$C\dot{e}C-\dot{e}s > C\dot{e}C = s$	$C\dot{e}C-\dot{e}s > C\dot{e}C-s$
(g) Ген.	$C\dot{e}C-\dot{e}s > C\dot{e}C = s$	$C\dot{e}C-\dot{e}s > CC-bs$
Дат.	$C\dot{e}C-\dot{e}i > C\dot{e}C = i$	$C\dot{e}C-\dot{e}i > CC-\dot{e}i$
Лок.	$C\dot{e}C-\dot{e}i > C\dot{e}C = i$	$C\dot{e}C-\dot{e}i > C\dot{e}C-i$

Следовательно, слова с $\dot{T}$ -корнями и $\dot{R}$ -корнями относятся к статическому словоизменительному типу, а слова с $\dot{D}$ -корнями и $\dot{H}$ -корнями — к динамическому¹⁴. Как было показано выше (3.5), некоторые формы в статическом типе оказались недостаточно четко противопоставленными друг другу, в связи с чем указанный тип был утрачен. Этот процесс происходил по-разному для $\dot{R}$ -корней и $\dot{T}$ -корней и осуществлялся в несколько этапов.

Некоторые проблемы связаны с преобразованием $\dot{R}$ -корней. Наряду с этими корнями существовали аналогичные $\dot{R}$ -корни, так что $\dot{R}$ -корни могли попасть в динамический словоизменительный тип, характерный для основ с $\dot{R}$ -корнями. Слова с $\dot{T}$ -корнями не могли, однако, попасть на этой стадии (AI) в динамический тип, поскольку для них не существовало «парных» корней с другим типом акцентуации: все слова с $\dot{T}$ -корнями имели статическую парадигму. Этот процесс не мог осуществляться и на стадии AII, поскольку акцентное правило превратило бы *e* в составе окончания в *o*, создав тем самым новый словоизменительный тип. Таким образом, *o*-основы, возникшие на этой стадии, являются баритонированными, если содержат $\dot{T}$ -корни [ср. табл. (d)].

Вероятно, лишь на стадии AIII слова с $\dot{T}$ -корнями могли попасть в подвижный тип путем присоединения ударных окончаний. Затем акцентуация слабых падежей была обобщена, что привело к окситонезе основ на *-i-* и *-u-*, образованных от $\dot{T}$ -корней. То, что обобщены были именно слабые падежи, подтверждается тем фактом, что 12 из 14 основ на *-i-* и *-u-*, образованных от $\dot{T}$ -корней, имеют нулевую ступень в корне (см. 1.3).

3.7. Следует признать, что предложенное морфологическое объяснение акцентуации $\dot{T}$ -корней не является ключом к решению всех проблем.

¹⁴ В этом, вероятно, заключается причина того, что суффиксальное $\dot{T}$ не оказывало никакого влияния на акцентуацию (ср. 3.4). Благодаря наличию $\dot{T}$ окончание попадало в тип H и таким образом воздействовало на акцентную модель динамического словоизменения. Я думаю, что эта модель была впоследствии восстановлена, и воздействие $\dot{T}$ стало незаметным.

Например, неясно, почему *D*-корни обобщили акцентуацию сильных падежей (см. 3.4), а с *R*-корнями этого не произошло. Неясно также, как можно объяснить нулевую ступень *T*-корней (в таких случаях, как **uik^w-o-*). Тем не менее изложенные здесь соображения могут оказаться полезными, т. к. они позволяют определить направление, в котором следует искать ответы на нерешенные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lubotsky A.* The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
2. *Burrow T.* The Sanskrit language. L., 1973. P. 119.
3. *Дыбо В. А.* Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов: Докл. советской делегации М., 1968.
4. *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента: Тез. // Кузнецовские чтения: История славянских языков и письменности. М., 1973.
5. *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
6. *Kortlandt F. H. H.* Proto-Indo-European tones? // JIES. 1986. V. 14. № 1—2.
7. *Кузнецов П. С.* К вопросу о фонологии ударения // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.
8. *Hyman L. M.* Phonology: Theory and analysis. N. Y., 1975.
9. *McCawley J. D.* Notes on the history of accent in Japanese // Recent developments in historical phonology / Ed. by Fisiak J. The Hague, 1978. P. 301.
10. *Bradshaw J.* Obstruent harmony and tonogenesis in Jabêm // Lingua. 1979. V. 49.
11. *Kiparsky P.* A compositional approach to Vedic word accent // Amṛtadhārā: Professor R. N. Dandekar felicitation volume / Ed. by Joshi S. D. Delhi, 1984.
12. *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-veda. 5. Aufl. Wiesbaden, 1976.
13. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 1—4. Heidelberg, 1956—1980.
14. *Gamkrelidze T., Ivanov V.* Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse // Phonetica. 1973. Bd 27.
15. *Кортландт Ф. Х. Х.* Праиндоевропейские глоттализованные смычные (сравнительно-исторические данные) // ВЯ. 1985. № 4.
16. *Steenland L.* Die Distribution der urindogermanischen sogenannten Gutt. rale. Uppsala, 1973.
17. *Lubotsky A.* Against a PIE phoneme **a* // The new sound of Indo-European: Essays in phonological reconstruction / Ed. by Venneman Th. B.; N. Y., 1989.
18. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. P., 1937. P. 173 ff.
19. *Benveniste É.* Origines de la formation des noms en indo-européen. I. P., 1935. P. 149.
20. *Lehmann W. P.* The distribution of Proto-Indo-European 'r' // Language. 1951. V. 27.
21. *Палич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском: Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
22. *Lühr R.* Die germanischen Wörter für «seit» und Verwandtes // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1978. Hf. 37.
23. *Lubotsky A.* Gr. *pégnumi*: Skr. *pajrá-* and loss of laryngeals before mediae in Indo-Iranian // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1981. Hf. 40.
24. *Polomé É.* Reflexes of laryngeals in Indo-Iranian with special reference to the problem of the voiceless aspirates // Saga og språk. Festschrift L. M. Hollander. Austin, 1972. P. 244.
25. *Kortlandt F. H. H.* Posttonic *w* in Old Irish // Ériu. 1986. V. 37.
26. *Kortlandt F. H. H.* Archaic ablaut patterns in the Vedic verb // Festschrift H. Hoenigswald. Tübingen, 1987.
27. *Beekes R. S. P.* The neuter plural and the vocalization of the laryngeals in Avestan // IJ. 1981. V. 23. № 4.
28. *Lubotsky A.* La loi de Brugmann et **H_{3e}* // Publications de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège. Liège; Paris, 1990.
29. *Wackernagel J.* Kleine Schriften. Bd 1—3, Göttingen, 1969—1979. S. 1108 ff.

30. Kortlandt F. H. H. Notes on Armenian historical phonology. III: *h-* // *Studia Caucasica*. 1983. T. 5. P. 12.
31. Schlerath B. Altindisch *asu-*, awestisch *ahu-* und ähnlich klingende Wörter // *Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper on his 60-th birthday* // Ed. by Heesterman J. C. The Hague; Paris, 1968. P. 142 ff.
32. Renou L. *Études védiques et pāninéennes*. T. XIII. P., 1964. P. 145 ff.
33. Der Rig-Veda / Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen von Geldner K. F. 1—4. Cambridge (Mass.), 1951—1957.
34. Kuiper F. B. J. The three Sanskrit roots *añc-/añj-* // *Vāk*. 1952. V. 2.
35. Kortlandt F. H. H. Three problems of Balto-Slavic phonology // *Zbornik za filologiju i lingvistiku*. 1979. T. 22, № 2. P. 60 ff.
36. Kuiper F. B. J. *Νόστοι χαλκῷ* // *Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde*, 1952. T. 14. № 5. P. 224.
37. Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981. С. 105.
38. Thieme P. *Der Fremdling im Rgveda*. Leipzig, 1938. S. 103.
39. Debrunner A. Indoiranisches // *IF*. 1938. Bd 56. P. 171 ff.
40. Weise O. Ist anlautendes *γ* vor *λ* abgefallen? // *Beiträge zur Kunde der indo-germanischen Sprachen*. 1881. Bd. 6.
41. Wackernagel J. *Altindische Grammatik. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition*. 2. Aufl. / Nachträge von Debrunner A. Göttingen, 1957.
42. Wackernagel J. *Altindische Grammatik. Nominalsuffixe* / Hrsg. von Debrunner A. Göttingen, 1954.
43. Kortlandt F. H. H. Sur l'accentuation des noms postverbaux en slave // *Dutch contributions to the 8-th International Congress of slavists*. Lisse, 1979.
44. Collinder B. Zur indo-uralischen Frage // *Språkvetenskapliga Sällskapet's i Uppsala förhandlingar*. 1954. T. 10 (1952—1954). 1
45. Forssman B. *Vedisch āyavasa-* // *Festschrift H. Hoenigswald*. Tübingen, 1987.
46. Kortlandt F. H. H. Slavic accentuation. A study in relative chronology. Lisse, 1975. P. 3.
47. Kortlandt F. H. H. More evidence for Italo-Celtic // *Ériu*. 1981. V. 32. P. 15.
48. Meillet A. Sur les suffixes verbaux secondaires en indo-européen // *MSLP*. 1900. T. XI. P. 297.
49. Gotō T. Altindisch *iándhra-* und uridg. **lendh-* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1985. Hf. 44. S. 80.
50. Kortlandt F. H. H. I.-E. palatovelars before resonants in Balto-Slavic // *Recent developments in historical phonology* / Ed. by Fisiak J. The Hague, 1978.
51. Beekes R. S. P. *The origins of the Indo-European nominal inflection*. Innsbruck, 1985.

Перевел с английского Куликов Л. Н.